

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
CENTER FOR MENNONITE BRETHREN STUDIES
FRESNO PACIFIC UNIVERSITY

ЭТНОКОНФЕССИЯ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы:
эмиграция и репрессии

Документы и материалы

Составитель и научный редактор
А.И. Савин

ПОСОХ
Новосибирск
2009

ББК 63.3
С 100

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Сборник подготовлен и опубликован в рамках
Siberian Mennonite Research Project

Составитель и научный редактор канд. ист. наук А.И. Савин

Рецензенты:

канд. ист. наук *Д.Г. Симонов*,
д-р ист. наук *В.И. Шишкин*,
д-р ист. наук *И.С. Кузнецов*

Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы. / Составитель и научный редактор А.И. Савин. Новосибирск: Посох, 2009. 752 с.
ISBN 978–5–93958–049–6

Меннониты, представители одной из старейших протестантских церквей, в период сталинизма были последовательными противниками политики советизации и секуляризации. В документальное издание, тематически продолжающее опубликованный в 2006 г. аннотированный перечень документальных источников по истории меннонитов в Сибири в 1920–1980-е годы, включены архивные документы ЦК ВКП(б), ВЦИК и ЦИК, ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД и НКВД, а также местных партийных и советских органов, посвященные истории меннонитской «религиозной» кооперации в 1920-е годы, эмиграции меннонитов из СССР в 1929–1930 гг. и репрессиям в отношении меннонитов в 1930-е годы. Книга рассчитана как на профессиональных историков, так и на всех интересующихся историей церковно-государственных отношений, репрессий, а также национальной проблематикой периода сталинизма.

Краткие сведения о составителе

Савин Андрей Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН. Окончил Новосибирский государственный университет (1993). Область научных интересов — история национальных и религиозных меньшинств в СССР. Автор более 40 научных работ, в том числе монографии «Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938» (Essen, 2001; в соавторстве с Д. Брандесом). Составитель сборников документов: «Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг.» (Новосибирск, СПб., 2004), «Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы» (Новосибирск, СПб., 2006); один из составителей сборника документов «Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki). 1922–1929» (Münster: LIT-Verl., 2007; под редакцией Л. Штайндорфа). Участник международного российско-украинско-немецкого исследовательского проекта «Сталинизм в советской провинции 1937–1938. Операция по приказу № 00447».

ISBN 978–5–93958–049–6

© А.И. Савин — составление, введение, научное редактирование, комментарии, именной указатель, 2009.
© Center for Mennonite Brethren Studies (Fresno Pacific University), 2009.

От составителя

Меннониты — последователи одной из старейших протестантских церквей, возникшей в 1530-е гг. в Нидерландах. К основополагающим канонам меннонитского вероучения относятся сознательное крещение по вере, отказ от военной службы и присяги. С 1789 г. по приглашению Екатерины II меннониты стали переселяться в Россию. Стимулом к переселению в Россию стал ряд социально-экономических привилегий и льгот, в том числе освобождение от военной службы с оружием в руках. К началу XX в. в России насчитывалось около 100 тыс. меннонитов, разделенных на братские и церковные общины. Вероучение братских меннонитов в значительной степени схоже с баптистским.

Вопрос об этнической принадлежности меннонитов не получил своего окончательного разрешения. В литературе высказываются точки зрения как о голландских, так и немецких корнях российских меннонитов. Очевидно наиболее корректной следует признать теорию о завершении в России процесса складывания среди меннонитов этноконфессиональной общности.

Первые поселения меннонитов в Сибири были образованы в конце XIX — начале XX вв. Переселение меннонитских крестьян в Сибирь было хорошо организовано и финансировалось «материнскими» колониями. Меннониты традиционно выделялись среди немцев высокой степенью развития экономики и культуры, использованием наиболее современной техники и приемов ведения земледелия и животноводства. Все это обеспечило высокие колонизационные возможности меннонитов в Сибири. Они быстро адаптировались к новым непростым условиям и составили одну из наиболее развитых групп среди населения Сибири. Языковая и религиозная среда выступали гарантом сохранения культурной и социальной самобытности меннонитов.

Меннониты поселились в Сибири преимущественно двумя компактными группами — в Барнаульском уезде Томской губернии (после 1917 — в 1920-е гг. — в составе Славгородского уезда Алтайской, потом Омской губернии, затем Славгородского округа Сибирского края) и в Омском уезде Акмолинской области (соответственно в составе Омского уезда Омской губ., затем — Омского округа Сибирского края). К середине 1920-х годов численность меннонитов составляла в Славгородском округе около 14 тыс. человек, в Омском округе — около 6,5 тыс. чел¹. Всего на начало 1926 в РСФСР проживало около 44 тыс. меннонитов.

Главные коллизии взаимоотношений меннонитских общин и советской власти в 1920-е годы развернулись вокруг деятельности меннонитской сельскохозяйственной кооперации, борьбы меннонитов за сохранение религиозных свобод и самобытной системы школьного образования. В 1923–1928 гг. в РСФСР успешно функционировала созданная меннонитами сельскохозяйственная кооперативная организация — Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество (ВМСХО). В Сибири были организованы два наиболее крупных отделения организации — Славгородское и Омское. Неподконтрольность государственным структурам созданной на этноконфессиональной основе кооперативной организации привела к ликвидации ВМСХО в июне 1928 г. Решение о ликвидации ВМСХО принял ЦК ВКП(б).

Нонконформистская позиция меннонитских общин по вопросу о признании военной службы с оружием в руках привела к тому, что начиная с конца 1926 г. меннониты остались фактически единственной протестантской конфессией в СССР, бескомпромисс-

¹ По другим данным численность меннонитов была в округе гораздо меньшей — около 2 тыс. чел.

но отстаивавшей право пацифистски настроенных верующих на альтернативную гражданскую службу. В конце 1920-х — первой половине 1930-е годов меннониты призывались на службу в особые трудовые части и части тылового ополчения.

Массовое эмиграционное движение немцев из СССР, достигшее своего пика осенью 1929 г., стало завершением длительного процесса, начавшегося еще в первой половине 1920-х гг. Инициаторами, организаторами и основной движущей силой этого движения выступили меннониты Сибири. В числе основных причин массовой эмиграции была неудовлетворенность меннонитов ограничением религиозных свобод, в том числе жесточайшим контролем со стороны властей за воспитанием детей, массовое лишение проповедников избирательных прав, хлебозаготовки и начавшаяся коллективизация. Всего эмиграция удалась около 6,0 тыс. чел., (в том числе около 4,0 тыс. меннонитов), из них около 4,5 тыс. чел. выехали из поселений российских немцев в Западной Сибири. Отчаянная попытка меннонитов эмигрировать из СССР привлекла к себе внимание международного сообщества и стала одним из ярких моментов в истории сопротивления российского крестьянства коллективизации.

1930-е годы характеризовались для меннонитов повышенным враждебным вниманием карательных органов и применением по отношению к ним массовых репрессий. Меннониты целенаправленно уничтожались как «сектанты» и «кулаки» в ходе осуществления массовой операции НКВД по приказу № 00447, и как национальный «спецконтингент» — в рамках проведения так называемой «немецкой» операции НКВД. К началу Великой Отечественной войны в результате административного давления властей и репрессий происходит прекращение легальной деятельности общин меннонитов и закрытие молитвенных домов в Сибири².

Таким образом, для историка советского общества меннониты представляют собой поистине уникальный объект исследования, давая возможность изучать целый ряд ключевых вопросов внутренней и внешней политики 1920–1930-х годов. В первую очередь это религиозная политика большевиков, и в частности ее такое специфическое направление, как «сектантское», национальная политика в отношении так называемых «национальных меньшинств Запада», политика в области сельскохозяйственного кооперирования в 1920-е годы, ряд аспектов эмиграционной политики, отношения с международными гуманитарными организациями, с Германией, репрессии 1930-х годов.

Трагедия, пережитая меннонитами в период сталинизма, обозначила центр тяжести «Сибирского меннонитского исследовательского проекта» («Siberian Mennonite Research Project»), который вот уже несколько лет осуществляется небольшим кругом единомышленников — ученых США, Канады и России. Общее руководство и координацию работы над проектом взял на себя д-р Пол Тевс, директор Центра по изучению истории братских меннонитов (Пасифик университет Фресно, США). Основной идеей проекта являются поиск, выявление и публикация документальных источников из российских архивов, которые смогли бы послужить основой для новых исследований по истории меннонитов России в XX веке, в первую очередь — в Сибири, а также позволили бы вписать ее в широкий общероссийский исторический контекст. В 2006 г. в рамках проекта в свет вышла книга «Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы»

² Сталинские репрессии, Вторая мировая война, послевоенные процессы урбанизации, и, на заключительном этапе, массовая эмиграция 1990-х годов в Германию привели фактически к прекращению жизнедеятельности меннонитских общин на территории РФ. По данным Всероссийской переписи 2002 г., свою национальную принадлежность как меннониты обозначили 23 чел., как немцы-меннониты — 5 чел., как меннонитен — 11 чел. Немцами себя назвали 597.165 чел. См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языком, гражданство. Т. 4, Кн. 1, М., 2004. С. 933–935.

(Новосибирск, СПб., 2006). Настоящий том, включивший в себя документы 1920-х — 1930-х годов, тематически и хронологически продолжает и дополняет публикацию 2006 г. Необходимо отметить, что тематика сборника существенно шире указанной в подзаголовке и не ограничивается только эмиграцией и репрессиями, хотя именно им посвящены два из трех разделов издания.

Основную источниковую базу работы составили документы около 40 фондов архивов Сибири и Москвы, а именно Государственного архива Омской области (ГАОО)³, Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО)⁴, Центра хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК)⁵, Отдела спецдокументации управления архивным делом администрации Алтайского края (ОСА УАДАК)⁶, Государственного архива Новосибирской области (ГАНО)⁷, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)⁸, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)⁹, Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)¹⁰, а также ряд материалов партийно-советской периодической печати Сибири¹¹.

Собственно документальная часть данного издания состоит из трех разделов. В первом из них представлены документы, посвященные истории жизнедеятельности меннонитских общин, меннонитской кооперации, религиозного пацифизма и политики боль-

³ В ГАОО использованы следующие фонды: Ф. 27, Исполнительный комитет Омского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. 28, Исполнительный комитет Омского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. 32, Отдел управления Омского губисполкома; Ф. 78, Омский окружной союз сельскохозяйственных и кредитных товариществ; Ф. 138, Омский губернский суд; Ф. 150, Омский уездный исполнительный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. 209, Земельное управление исполнительного комитета Омского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. 437, Исполнительный комитет Омского областного Совета народных депутатов; Ф. 474, Москаленский районный исполнительный комитет депутатов; Ф. 460, Омское губернское отделение народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции; Ф. 1152, Отдел народного образования Омского окружного исполнительного комитета.

⁴ В ЦДНИОО использованы фонды: Ф. 7, Омский окружной комитет ВКП(б); Ф. 415, Исылькульский РК ВКП(б).

⁵ В ЦХАФАК использованы следующие фонды: Ф.П. 2, Алтайский губернский комитет РКП(б), Ф.П. 37, Славгородский уездный комитет РКП(б), Ф.П. 38, Славгородский окружной комитет ВКП(б), Ф.П. 1892, Немецкий районный комитет ВКП(б).

⁶ В ОСА УАДАК использован ф.р. 2, содержащий архивно-следственные дела репрессированных лиц (оп. 7) и протоколы заседаний судебной тройки при УНКВД по Алтайскому краю (оп. 5).

⁷ В ГАНО использованы фонды: Ф.П. 1, Сибирское Бюро ЦК РКП(б), Ф.П. 2, Сибирский краевой комитет ВКП(б), Ф.П. 3, Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б), Ф.П. 6, Сибирская краевая контрольная комиссия ВКП(б), Ф.П. 188, Сибирский краевой комитет ВЛКСМ, Ф.П. 189, Западно-Сибирский краевой комитет ВЛКСМ, Ф.Р. 1, Сибирский революционный комитет, Ф.Р. 47, Исполнительный комитет Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся, Ф.Р. 1027, Новосибирский областной суд Министрства юстиции РСФСР.

⁸ В РГАСПИ использован фонд 17, ЦК ВКП(б) — КПСС.

⁹ В ГАРФ использованы фонды: Ф. 130, СНК РСФСР, ф. 353, Народный комиссариат юстиции РСФСР, Ф. 364, Постоянная комиссия СТО по трудовой, сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции, Ф. 423, Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество, Ф. 424, Американская меннонитская помощь, Ф. 1064, ЦК Помгол, Ф. 1065, ЦК Посладогол, Ф. 1235, ВЦИК, Ф. 5263, Постоянная комиссия по вопросам культа при президиуме ВЦИК, Ф. 5407, Союз воинствующих безбожников СССР.

¹⁰ В АВП РФ использованы фонд 05, Секретариат зам. наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова и фонд 0165, Полпредство СССР в Германии.

¹¹ Характеристика используемых источников была осуществлена нами в предисловии к аннотированному перечню документов. См.: Этноконфессии в советском государстве. Новосибирск; СПб., 2006. С. 68–72.

певиков в отношении сект в 1920-е годы, во второй — документальные источники об эмиграции меннонитов из СССР в 1929–1930 гг., в третьей — документы о репрессиях в отношении меннонитов в 1930-е годы.

Подавляющее большинство документов, за редким исключением, публикуется впервые. Внутри групп документы структурированы по хронологическому принципу. Каждый документ имеет порядковый номер, редакционный заголовок (в случае сохранения оригинального названия оно приведено в кавычках), указание места и времени его написания, подпись авторов и легенду. Если в документе не содержатся точные сведения о месте и времени публикации, то они устанавливались по содержанию документа или по сопроводительным материалам. Основной массив публикуемых документов составляют рассекреченные документы партийных и советских органов, судов, ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Оригиналы и копии этих документов имеют грифы секретности, которые в данном издании не воспроизводятся.

При публикации документов широко используется такой археографический прием, как публикация тематических подборок, позволяющий компактно ознакомить читателя с тем или иным фактом. Тематические подборки включены в сборник под общим заголовком, внутри подборок документы расположены по хронологии.

Часть документов публикуется в извлечении или в сокращенном виде. В заголовке таких документов имеется слово «из» или сделаны соответствующие пояснения в легенде. Редакционные пропуски в тексте документа обозначены отточиями, заключенными в квадратные скобки. Текст публикуемых документов передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности документов сохранены. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения, исправлены без оговорок. Подчеркивания и курсивы, имеющиеся в документах, воспроизведены без исправления. Перевод большинства документов с немецкого языка (статьи из газет, документы из сборника «Akten zur Deutschen Auswaertigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des Auswaertigen Amtes» и т. п.) выполнен составителем. Издание имеет научно-справочный аппарат, включающий в себя историческое предисловие, текстуальные примечания и содержательные комментарии, именной указатель, список сокращений, а также оглавление на русском и английском языках.

Составитель признателен всем коллегам, оказавшим ему помощь своими публикациями и указаниями на документы. А.Г. Теплякову я традиционно благодарен за предоставление сведений о работниках госбезопасности, использованных при составлении именных комментариев. Особая благодарность — руководству и работникам всех архивов, в первую очередь сотрудникам ГАНО — О.К. Кавцевич и И.В. Самарину, ОСД УАДАК — А.А. Колесникову за оказанную помощь при работе над книгой. Своей жене Тане благодарен за всемерную поддержку и помощь в составлении именного указателя.

Публикация данного тома была осуществлена в рамках продолжающегося Сибирского меннонитского исследовательского проекта. Финансовая поддержка проекту была оказана семьей Петра Дика (Джон Дик, Эльфрида и Верн Хайнрихс, Марина и Вальтер Унгер, Дебра и Филип Классен). Дополнительные средства для издания этой книги предоставили Вальтер и Марина Унгер, а также Kroeker Foundation of Winkler, Manitoba.

The publication of this volume is part of the Siberian Mennonite Research Project which continues to be underwritten by the Peter Dick estate, the Peter Dick family (John Dick, Elfrieda and Vern Heinrichs, Walter and Marina Unger, Debra and Philip Classen), an additional gift from Walter and Marina Unger and the Kroeker Foundation of Winkler, Manitoba.

ВВЕДЕНИЕ.
Меннониты как целевая группа репрессий
конца 1920-х — 1930-х годов¹

1. Формирование концепции немецкой «пятой колонны» в СССР

*«Мы были правы: если немец, оставаясь немцем,
живет среди русских, то может встретиться
немало случаев для несогласия и разлада [...]
И если он, не смотря на то, остается немцем,
то обыкновенно очень плохим немцем»²*

История меннонитов в СССР неразрывно связана с историей немцев лютеранского и католического вероисповеданий и адекватно может быть исследована только в контексте общей истории «советских» немцев. Одним из основополагающих условий ее научной интерпретации является выявление представлений советского руководства о немцах — советских гражданах как о «пятой колонне».

С момента выступления в начале октября 1936 г. франкистского генерала Э. Мола, объявившего по радио о том, что движение четырех колонн мятежников на Мадрид будет поддержано пятой колонной в самом Мадриде, термин «пятая колонна» (*quinta columna fasciosa*) стал общепринятым обозначением подрывных сил, готовых за пределами Германии оказать активное содействие нацизму как в мирное, так и в военное время. К задачам «пятой колонны» традиционно относят ведение пронемецкой и профашистской пропаганды, сбор подробной информации о жизни той или иной страны, шпионаж и диверсионную деятельность. Рекрутировалась «пятая колонна» главным образом из представителей немецких национальных меньшинств. В классическом труде Луи де Ионга время возникновения «пятой колонны» в странах Старого и Нового Света неразрывно связывается с приходом Гитлера к власти³.

Формирование у сталинского руководства представлений о советских немцах как о «пятой колонне» также традиционно относят к началу острого идеологического и внешнеполитического противостояния СССР и нацистской Германии⁴. Широкомасштабная репрессивная «немецкая» операция, осуществленная органами НКВД в 1937–1938 гг. в ходе «Большого террора», а также депортация населения АССР НП в 1941 г., наглядно свидетельствуют об окончательном складывании этих представлений в конце 1930-х — начале 1940-х годов.

¹ В томе «Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы» во вводном историческом очерке описываются кооперативное строительство в меннонитской деревне в 1923–1928 гг. и религиозная жизнь общин в 1920-е годы. Нижеследующий очерк служит его хронологическим и тематическим продолжением.

² Русские немцы. Немцы серятся. Заметки Летописца // Эпоха. Журнал литературный и полемический. Под редакцией М.М. Достоевского. 1864. № 5. С. 250–252.

³ См.: *Луи де Ионг*. Пятая колонна в Западной Европе. М., 2004.

⁴ См. к примеру: *Хуэстов В.* Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 75–83; *Белковец А.П.* К вопросу о сути акции помощи голодающим в СССР немцам в 1930-е годы // Немцы Сибири: история и культура. Материалы V Международной научно-практической конференции. Омск, 2006. С. 30–33.

Между тем новые архивные находки позволяют утверждать, что задолго до прихода национал-социалистов к власти и возникновения проблемы военной опасности, высшим руководством политической полиции СССР уже была сформулирована концепция немецкой диаспоры как шпионской и диверсионной базы⁵, примененная во время «Большого террора». 9 июля 1924 г. зам. председателя ОГПУ СССР Г.Г. Ягода и начальник Контроль-разведывательного отдела ОГПУ А.Х. Артузов подписали циркулярное письмо ОГПУ № 7/37 «По германской разведке и борьбе с ней», а спустя еще год, 14 июля 1925 г., Артузов в ответ на запрос Ф.Э. Дзержинского от 6 июля 1925 г.⁶ отправил шефу ОГПУ комплекс документов «о деятельности немцев в СССР», состоящий из сопроводительного письма и пяти аналитических записок (справок).

В архивном деле⁷ записки содержатся в следующей последовательности: 1) Общая справка «Германская контрреволюционная работа в СССР». 2) О деятельности в СССР концессии фирмы «Юнкерс». 3) Об «Обществе для поощрения промышленных предприятий» («ГЕФУ»). 4) О деятельности советника культурного и экономического отделов германского посольства Густава Хильгера. 5) О немецкой концессии «Молологес». Весь документ содержит рукописную правку А.Х. Артузова, его же подпись стоит под документом о Г. Хильгере. Последняя, 5-я справка, подписана нач. Экономического управления ОГПУ Г.И. Благоднравовым и нач. 1-го отделения ЭКУ Молочниковым. Очевидно что основным автором документов являлись «крокисты» — сотрудники КРО ОГПУ, поэтому этот плод коллективного творчества можно далее условно называть «записками Артузова»⁸.

Главными из всего комплекса документов являются циркуляр ОГПУ № 7/37 от 9 июля 1924 г. и аналитическая записка КРО ОГПУ «Германская контрреволюционная работа в СССР» (не позднее 14 июля 1925 г.)⁹. Их уникальность состоит в том, что именно в этих

⁵ Которую мы здесь условно, в нарушение принципа историзма, называем концепцией «пятой колонны».

⁶ В частности, Дзержинский спрашивал, ведут ли «германское правительство и монархические и националистические круги [...] работу на низвержение большевизма в СССР» и, как председатель Высшего совета народного хозяйства СССР, интересовался вопросом экономической целесообразности немецких концессий. Цит. по: *Плеханов А.М.* ВЧК — ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 624, со ссылкой на: РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 337, л. 9.

⁷ Документы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 76 (фонд Ф.Э. Дзержинского), опись 3, д. 317, л. 12–20, 42–45.

⁸ Несколько слов о вводе этих документов в научный оборот. Первое краткое упоминание о них в российской историографии содержится в монографии В.С. Измозика «Глаза и уши режима», посвященной истории становления системы политического контроля за населением СССР (СПб., 1995). В монографии Горлова С.А. «Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР — Германия)». (М., 2001), посвященной истории советско-германского военно-технического сотрудничества 1920-х годов, также цитируется, без ссылки на архив, выдержка из сопроводительной записки Артузова от 14 июля 1925 г. В недавно вышедшей в свет монографии проф. академии ФСБ (Москва) А.М. Плеханова «Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. (М., 2006), в документальном приложении публикуется распоряжение Ф.Э. Дзержинского от 6 июля 1925 г. зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде и нач. ИНО ОГПУ М.А. Трилиссеру подготовить записку о политике германского правительства и немецких националистических кругов, послужившее толчком к созданию «записок Артузова», но нет ни единого упоминания об ответной реакции подчиненных Дзержинского и существовании комплекса аналитических записок. Таким образом, ни один из историков, получивших доступ к этим документам, не смог оценить их истинное значение для интерпретации политики коммунистических властей в отношении немецкого национального меньшинства в СССР.

⁹ Публикуются в данном томе, см. документы №№ 59, 72–74. В переводе на немецкий часть документов опубликована: Savin, Andrej, Hedeler, Wladislaw. Die Deutschen in der UdSSR — eine «fünfte Kolonne?» Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU. In: Interna-

двух документах впервые в СССР наиболее четко сформулирована идея немецкой «пятой колонны» и именно они дали старт оперативной деятельности спецслужб СССР в отношении советских немцев в общесоюзном масштабе¹⁰.

Закономерным образом встает вопрос, почему именно в середине 1920-х годов руководство политической полиции обратило свое пристальное внимание на Германию? До этого времени ослабленная в результате мировой войны Германия находилась на периферии интересов советской контрразведки. Эта тенденция усилилась после подписания в апреле 1922 г. в Раппало советско-германского соглашения, вследствие которого Германия на десятилетие стала главным стратегическим партнером СССР в Европе, а рейхсвер получил возможность разместить в России свои центры военно-учебной подготовки и развернуть военное производство. Следуя общему вектору советско-германских отношений, органы КРО ГПУ — ОГПУ первоначально «рассматривали Германию как дружественную страну, не ведущую разведки и контрреволюционной работы» в СССР¹¹.

К 1924 г. ситуация стала изменяться, чему в немалой степени способствовал срыв советской авантюры по «экспорту» революции в Германию осенью 1923 г., и дрейф немецкой дипломатии в сторону Запада, приведший к принятию Германией в августе 1924 г. в «план Дауэса»¹². Намечившаяся политическая стабилизация в Европе и возможность воссоздания «единого фронта» капиталистических государств вызвали глубокую обеспокоенность большевиков. Изменила свое отношение к Германии и контрразведка ОГПУ, причем по-видимому намного более резко и безапелляционно, чем руководство ВКП(б) и Красной Армии.

Логика авторов июльского 1924 г. циркуляра «По германской разведке и борьбе с ней» и аналитической записки КРО ОГПУ «Германская контрреволюционная работа в СССР» сводится к следующему: под прикрытием соглашения в Раппало немецкая разведка при содействии националистических организаций Германии стала безнаказанно вести шпионаж и подрывную работу на территории СССР. Роль «прикрытия» для немецкой разведки играют дипломатические представительства, гуманитарные организации и концессии. «Естественной» базой шпионажа, «почвой для германской разведки в России является многомиллионное население немецкого происхождения [...], каковое является главным источником получения и собирания германской разведкой сведений, на что со стороны немцев обращается особое внимание»¹³.

В циркуляре 1924 г. главным немецким шпионажным органом, действовавшим на территории СССР, назывался Германский Красный Крест (ГКК). В 1921 г. правительство Германии одним из первых приняло решение о выделении средств (50 млн. марок) для покупки медикаментов для голодающих в России. Эти средства были переданы ГКК, который и осуществлял закупки лекарств и медицинского оборудования. В России отделения ГКК действовали в составе миссии Ф. Нансена — Международного комитета помощи России, совместно с другими национальными отделениями Международного Красного Креста.

Большевики видели в деятельности международных организаций по оказанию помощи голодающим исключительно «проекти империалистической буржуазии», прикрывавшей

tionale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (IWK) 42 (2006). — Berlin, Heft 2–3. S. 305–324.

¹⁰ В д. 317 циркуляр № 7/37 от 9 июля 1924 г. находится на л. 42–45, записка КРО ОГПУ СССР «Германская контрреволюционная работа в СССР» (июль 1925 г.) — на л. 12–20. Далее при цитировании здесь этих документов ссылка на архивный источник не дается.

¹¹ См. записку КРО «Германская контрреволюционная работа в СССР»

¹² План предусматривал смягчение репарационных платежей и возвращение Германии захваченных территорий и имущества.

¹³ Цит. по циркуляру 1924 г.

благотворительностью свою антисоветскую деятельность¹⁴. Сотрудники иностранных благотворительных организаций расценивались как шпионы и диверсанты, русский персонал гуманитарных организаций формировался исключительно из антисоветских элементов¹⁵. Так, ГKK якобы занимался под видом благотворительности шпионажем, германской националистической пропагандой, «насаждая по районам России, населенными немецкими колонистами, свои школы, госпитали, противомаларийные пункты, библиотеки, концесии и т.п., которые и являлись центрами шпионажа, национальной пропаганды, антисоветской подпольной работы, связью между отечественными и зарубежными белогвардейцами, распространения контрреволюционной литературы [...] Работа Германского Красного Креста в значительной мере является причиной того, что германские колонистские массы и до настоящего времени являются врагами коммунизма и советского строя»¹⁶.

В результате, к моменту появления записки 1925 г., деятельность ГKK в СССР была ликвидирована, ряд его сотрудников — арестованы и высланы из пределов СССР, а главной немецкой шпионской организацией в июльской «записке Артузова» 1925 г. называется уже некая организация «Аусланддейтше» и ее отдел «ЦК немцев, живущих в России», якобы работавшие под непосредственным руководством МИД Германии с целью ведения национальной пропаганды среди немцев, очутившихся за пределами Германии и строительства обширной разведывательной сети во всех концах мира, «где только есть немцы». По утверждению Артузова, «Аусланддейтше» «почти заменила германскую разведку», которая официально не существовала.

Показательно, что начиная с 1925 г., упоминание об «Аусланддейтше» кочует из одного документа советской тайной полиции в другой. Скорее всего, речь здесь идет об «Ассоциации для немцев, проживающих за границей» („Verein für das Deutschtum im Ausland, (VDA)). Среди многочисленных организаций, занимавшихся проблемами немецких меньшинств за границей и поддержанных правительством Веймарской республики, VDA действительно занимала особое место, к 1933 г. организация имела 3000 местных филиалов, а также свыше 5000 групп в школах¹⁷.

«Очагом и базой» контрреволюции и немецкого шпионажа в артузовской записке 1925 г. вновь однозначно называются немецкие колонии, которые «могут быть рассмотрены как монархические ячейки внутри СССР, на которых строится в значительной степени антисоветская политика (взрыв изнутри) германских национальных кругов. Экономическое превосходство, национальные, культурные и религиозные особенности особенно облегчают работу «ЦК немцев, живущих в России» и Германских консульств в отношении колонистов». Документ рисует «естественную» базу немецкого шпионажа в виде многочисленного националистического и профашистски настроенного немецкого населения СССР, выступающего единым фронтом, в первую очередь — немцев приволжских, украинских и сибирских колоний.

¹⁴ Эта точка зрения воспроизводится и в новейших публикациях о деятельности зарубежных гуманитарных организаций. См.: Макаров В., Христофоров В. Гангстеры и филантропы. АРА под зорким наблюдением чекистов // Родина. 2006. № 8. С. 79–85.

¹⁵ Так, чекистский надзор за деятельностью АРА был установлен по прямому указанию В.И. Ленина от 23 августа 1921 г., спустя два дня после подписания договора с американцами. См.: Макаров В., Христофоров В. Гангстеры и филантропы. С. 80.

¹⁶ См.: РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 317, л. 35–36. Цит. из записки о советнике Германского Посольства Г. Хильгере, бывшем руководителе ГKK в России.

¹⁷ Enzyklopädie des Nationalsozialismus. Hrsg. von W. Benz, H. Graml, H. Weiss. DTV, München, 1998. S. 788–789. В. Кригер полагает, что чекисты, упоминая «Аусланддейтше», помимо VDA, имели ввиду также основанный в 1917 г. в Штутгарте Deutsche Ausland-Institut (DAI) и издаваемый институтом журнал „Der Auslanddeutsche“. См. *Krieger V.* Der erste Geheimprozess gegen wolgadeutsche Intellektuelle. In: *Jahrbuch fuer Internationale Germanistik. Jahrgang XXXVIII — Heft 2, Verlag Peter Lang, 2006. S. 114.*

Интересно, что ни о какой существенной социальной дифференциации среди немецкого населения в чекистской записке не упоминается. Артузов утверждает: «Германские колонии в России и по своей многочисленности и по своему социальному составу (кулацкий) и политическим стремлениям (фашистско-национальный) представляют крупнейшую опасность как враждебные и коммунизму, и СССР свои населения с одной стороны, а с другой как группы, стремящиеся укрепить национальные интересы Германии среди нац[иональных] меньшинств». Приводя данные о социальном составе немецких колонистов Украины, Артузов полагал, что «40–50% из них крупные кулаки и бывшие помещики, и сельская интеллигенция. Остальные крепкие середняки и 5–6% бедняки — но они тоже находятся под абсолютным влиянием кулачества».

Особое внимание в записке уделяется деятельности хозяйственных организаций советских немцев. Преемницей ГКК в деле шпионажа на территории СССР называется виноградовинодельческое объединение «Конкордия», образованное в нач. 1920-х рядом немецких предпринимателей Азербайджана. В годы нэпа объединение производило около половины всей виноградной продукции республики, при участии «Конкордии» в первые годы советской власти в Азербайджане был построен ряд вино-водочных, коньячных и лимонадных заводов. В Грузии, России, Узбекистане и на Украине работало около 200 специализированных магазинов «Конкордии», существенная часть доходов предприятия выделялась на образование, культуру и строительство в немецких колониях. По состоянию на июль 1925 г. «Конкордия» находилась в усиленной чекистской «разработке», в этом же году органами ОГПУ был арестован один из основателей «Конкордии» Г. Гуммель и в Баку состоялся судебный процесс, на котором он вместе с другими руководителями «Конкордии» был обвинен в «сохранении кулацких капиталов под прикрытием кооператива и воспитании немецкой молодежи в германском духе»¹⁸.

Второе место по зловредности «крокисты» отвели немецким кооперативным союзам, в том числе меннонитскому «Союз голландских выходцев на Украине», который «выступает на политическую арену с требованиями, противоречащими основам коммунизма и Советской власти». В частности, в записке скрупулезно приведены известные требования меннонитов к советскому правительству, содержавшиеся в обращении во ВЦИК уполномоченных меннонитских общин СССР Я.А. Ремпеля, Я.Г. Янцена и И.И. Вибе от 23 мая 1924 г., практически дословно повторенные в январе 1925 г. Всесоюзным съездом делегатов меннонитских общин СССР¹⁹.

Таким образом, по мнению руководства КРО ОГПУ, для ведения шпионажа советскими немцами существовали все благоприятные условия: надежная связь колоний с заграницей, «с Германскими консульствами, получение литературы, систематическая посылка информационной корреспонденции за границу, работа негласных представителей германских консульств в колонистских районах, систематическая антисоветская агитация, открытые контрреволюционные выступления и т.д.». Особую опасность в случае войны приобретал, с точки зрения Артузова, фактор компактного проживания немцев в пограничных зонах, крупных промышленных областях и «благотворных» земледельческих районах.

Своей первоочередной задачей КРО ОГПУ считал необходимость ведения «строгого учета и контроля» за германскими подданными и лицами немецкого происхождения, занятыми в хозяйственных и советских организациях; лицами, имеющими связи с немецкими дипломатическими представительствами или родственниками за границей; бывшими военнопленными, политэмигрантами, хозяйственными, культурными, благотворительными и религиозными организациями советских немцев и т.д. Приоритетным направлением дея-

¹⁸ Подробнее об истории «Конкордии» см.: *Аджафарли М.* Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку, 1998.

¹⁹ См. документы №№ 56, 66.

тельности органов ОГПУ в отношении немцев называлась агентурная работа и вербовка осведомителей как из числа германских подданных, так и немцев — советских граждан. Показательно, что в противовес основной тенденции в советской национальной политике 1920-х годов, направленной на создание национальных административно-территориальных единиц, руководство ОГПУ настоятельно рекомендовало отказаться от выделения немецких районов, считая их вредными при мизерной прослойке бедноты в колониях.

Общий вывод Артузова, зафиксированный в сопроводительном письме к запискам от 14 июля 1925 г., звучал следующим образом: «Несомненно, что немецкие националисты ведут в России громадную работу во всех направлениях и значительно опередили наше влияние на немецкие колонии в СССР. Это последнее (наше влияние) видимо до чрезвычайности слабо»²⁰. Нет оснований сомневаться, что Дзержинский донес точку зрения ОГПУ до Политбюро ЦК РКП(б), неоднократно обсуждавшего «германские» вопросы в 1925 г.²¹.

Концепция немецкой «пятой колонны», выработанная в недрах ОГПУ, непосредственно свидетельствует в поддержку тезиса Йорга Баберовского о том, что сталинское руководство идентифицировало население не только по социальному, но и по этническому признаку, иначе говоря, для него существовали не только классы, но и нации с неизменными признаками. Чем более отсталой была нация до революции, тем более пролетарской и передовой она воспринималась, и наоборот. Таким образом, восточные национальности считались наиболее революционными, а западные (немцы, поляки) — наиболее контрреволюционными. «Нет ничего более удаленного от действительности, чем представление о том, что национальная принадлежность ничего не значила для большевиков», — отмечает Й. Баберовски²². Следуя своему представлению о нации как о культурной общности, связанной единой судьбой, они полагали, что как у «бывших» не было возможности изменить свое социальное прошлое и стать настоящими пролетариями, так и у представителей «контрреволюционных» нации не было возможности сменить ее на «революционную».

Попытка советизации немецкой деревни, предпринятая в 1920-е годы и окончившаяся неудачей, должна была только укрепить убеждение сталинского руководства в контрреволюционности «советских» немцев.

2. Немецкая деревня Сибири 1920-х годов: деревня, которая не была советской

Немецкое крестьянство Сибири, которому цели новой власти оказались чуждыми и непонятными, пыталось различными способами нейтрализовать усилия властей. Самоизоляция и создание элементов культурно-национальной автономии, в праве на которую им было отказано большевистским руководством, стали для немецкого крестьянства Си-

²⁰ Показательно, что специалисты по истории спецслужб относят начало противостояния советской и германской разведок к моменту прихода нацистов к власти. Скорее всего речь идет либо о воспроизводстве клише, упоминавшегося выше в связи с формированием представлений о «пятой колонне» в СССР, либо о том, что деятельность германской разведки в отношении СССР в реальности в 1920-е годы была минимальной. См. к примеру: *Глоттикова М.С. Противоборство спецслужб СССР и Германии в межвоенные годы (1933–1941) // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М., 2008. С. 189–200; Хаустов В.Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок» // Там же. С. 223.*

²¹ См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой» папки 1923–1939. М., 2001.

²² См.: *Baberowski, J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Deutsche Verlags-Anstalt, München, 2003. S. 195–196.* Точка зрения, высказанная Й. Баберовски, лежит в русле концепции об «этнизации» представительств карательных органов и советского политического руководства или соответственно о том, почему в конце 1930-х годов политические обоснования репрессий в отношении национальных меньшинств оказались на втором плане.

бири главными способами сохранения себя в виде национальной, социально-экономической и культурной общности.

Специальные «инструменты» осуществления национальной политики в виде использования национальной партийно-советской элиты и национально-территориального административного строительства оказались малоэффективными. Ставка, сделанная властями на «коренизацию» органов власти на местах, не оправдала себя, немецкие сельсоветы оказались под влиянием общины, что привело к сохранению в немецкой деревне местного самоуправления. Малочисленные по составу немецкие секции и ячейки РКП(б) — ВКП(б) не могли проводить планомерную работу с крестьянством и осуществлять контроль за самоизолирующейся деревней. Партийную немецкоязычную прессу немцы расценивали в основной своей массе как враждебную. Доказательством этого служило стремление населения получать информацию из независимых печатных источников, трудности с распространением, невысокие тиражи и крайне тяжелое финансовое положение немецких партийных газет в Сибири. Попытки создания Немецкого района, в котором по различным мотивам в первую очередь были заинтересованы работники немецких секций ВКП(б), также встретили недоверчивое отношение и пассивное сопротивление немецких крестьян. В результате Немецкий район Славгородского округа был образован только в конце 1927 г.

Непосредственной причиной, давшей толчок процессу «автономизации» немцев, стали хлебозаготовительные кампании начала 1920-х годов. Осуществленная жесткими методами продовольственная политика привела к обнищанию немецкой деревни Сибири. Мероприятия властей, предпринятые ими во время сбора натурального налога 1922–1923 гг., стали последним ударом, приведшим немецкое крестьянство Сибири на грань катастрофы²³. Среди немцев разразился массовый голод. Неспособность властей быстро ликвидировать бедствие многократно усилили неприятели советской действительности большинством немецкого населения Сибири. Материальная помощь, оказанная зарубежными благотворительными организациями, преимущественно «Американской меннонитской помощью», помогла немцам Сибири, с одной стороны, избежать голодной смерти, с другой — послужила мощным дополнительным стимулом для возникновения движения за выезд из СССР.

Гуманитарная помощь, снижение налогообложения, благоприятные погодные условия и самоотверженный труд населения позволили немецкой деревне выйти в 1925 г. из глубокого экономического кризиса. Существенную роль в возрождении экономики немецкой деревни сыграла кооперация. Немецкие кооперативы Сибири сумели добиться значимых экономических успехов. Немецкая деревня ежегодно увеличивала размеры посевной площади и поголовья скота, развивала такие направления сельского хозяйства, как селекционное семеноводство и животноводство, производство масла и сыра. Ведущие позиции в немецкой кооперации занимало Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество. Рост материального благосостояния стал экономической основой движения немцев за сохранение и развитие культуры.

Растущее экономическое и общественно-политическое значение кооперативной организации меннонитов стало причиной кампании по ликвидации ВМСХО, инициированной ЦК ВКП(б). Ликвидации ВМСХО нанесла меннонитским общинам Сибири невосполнимый урон, так как властями была устранена не только кооперативная организация, преследовавшая определенные экономические цели, но также был уничтожен один из важных элементов культурно-национальной автономии немецкой деревни. Одновременно государство стало жестко контролировать все остальные виды кооперации. Огосударствление немецкой кооперации в Сибири было воспринято крестьянами как покуше-

²³ См.: Савин А.И. Кампания по сбору единого натурального налога 1922–1923 г. в Сибири: «Славгородское дело» // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 60–68.

ние на их автономность, прекращение политики компромисса и сформировало устойчивую эмиграционную тенденцию.

Значимым элементом культурно-национальной автономии немецкой деревни Сибири стала самобытная система школьного образования и воспитания. Ее главная отличительная черта, сформировавшаяся еще в дореволюционный период — стремление минимально зависеть от государства, — получила в 1920-е годы свое дальнейшее развитие. Немецкое население и немецкое учительство стремились не допустить воспитания в стенах школ политизированной и антирелигиозно настроенной молодежи, что означало бы разрыв поколений и прекращение воспроизводства немецкого национального меньшинства в качестве особой культурно-национальной и социальной общности. Экономические трудности, особенно в начальный период нэпа, вынудили государство передать часть школ на содержание населения. Последнему были отданы на «откуп» так называемые «договорные» школы. Финансирование немецкими крестьянами школ и учителей давали населению возможность воздействовать на процесс обучения. Использование немецкого языка в качестве языка преподавания вынудила власти, с одной стороны, идти по пути рекрутирования немецких учительских кадров и создания просоветски настроенной национальной интеллигенции, с другой — практически исключила из процесса советизации русскоязычные органы власти. Немецкие секции партии, на которые была возложена задача осуществления политического контроля за процессом преподавания, не справлялись с ней из-за своей малочисленности. Выборочные административные репрессии не могли коренным образом изменить ситуацию. В результате властям не удалось к 1928 г. решить задачу советизации немецкой школы Сибири²⁴.

Борясь за освобождение от воинской службы по религиозным убеждениям и выступая за внешкольное религиозное воспитание детей, немецкие религиозные общины Сибири также стремились воспрепятствовать разрушению верований и традиций, обеспечить их восприятие и усвоение молодежью. Для достижения поставленной цели руководство немецких общин практиковало запрещенные законом формы работы с детьми и молодежью, идя на открытый конфликт с властью.

Попытка советизации немецкой деревни, предпринятая в 1920-е годы, свидетельствует, что «национальный» вариант советизации, не обеспеченный материальными и людскими ресурсами и рассчитанный на длительное время, столкнувшись с сопротивлением населения, потерпел неудачу. Это только укрепило убеждение сталинского руководства в контрреволюционности «советских» немцев. Наиболее наглядно неудачу концепции «коренизации» в отношении немцев продемонстрировало солидарное сопротивление всех социальных слоев немецкой деревни коллективизации в виде попытки массовой эмиграции. Национальная политика сталинского унитарного государства в 1930-е годы эволюционировала в направлении «национал-большевизма» и русификации. Главными инструментами советизации немецкой деревни Сибири в 1930-е годы стали коллективизация и репрессии.

3. Репрессии в отношении «эмигрантов» (1929–1932 гг.)

Массовое эмиграционное движение «советских» немцев достигло своего пика осенью 1929 г.²⁵. В числе основных причин эмиграции были неудовлетворенность немцев огра-

²⁴ См.: *Савин А.П.* Советизация немецкой школы Сибири в 1920-е годы // Национально-культурная политика в сибирском регионе в XX веке: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2004. С. 83–115.

²⁵ История попытки массовой эмиграции 1929 г. подробно освещена. См. к примеру: *Белковец А.П.* Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы). Москва, 1995; *Mick, Christoph.* Sowjetische Propaganda, Fuenfjahrplan und deutsche Russlandpolitik 1928–1932. Stuttgart, 1995; *Brandes, Detlef, Savin, Andrej.* Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. Essen, 2001. Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, Bd. 19.

ничением религиозных свобод, массовое лишение «кулаков» и проповедников избирательных прав, хлебозаготовки и коллективизация. Непосредственным толчком к массовому выезду немцев в Москву послужило решение Президиума ВЦИК от 5 августа 1929 г., разрешавшее в виде исключения эмиграцию 25 семейств (91 человека) меннонитов. Несмотря на последовавшее вскоре постановление Президиума ВЦИК от 16 сентября 1929 г. о прекращении выдачи разрешений на выезд и приема заявлений о выезде за границу, массовый выезд немцев в Москву продолжался всю осень.

К середине октября 1929 г. в столице находилось уже более 3000 эмигрантов-меннонитов и немцев других конфессий. После переговоров с представителями правительства Германии руководство СССР пришло к решению дать разрешение на выезд из страны части эмигрантов. В результате выехать смогли две группы общей численностью 673 чел. В середине ноября в окрестностях Москвы разрешения на выезд ожидали по меньшей мере 12,5 тыс. эмигрантов, из них 73% — меннониты, 20% — лютеране и 6% — католики. Большую часть из эмигрантов составили меннониты и немцы — жители Западной Сибири. Правительство Германии заявило сначала о готовности принять 4000 эмигрантов (17 ноября 1929 г.), а потом — всех находившихся в Москве эмигрантов.

Отчаянная попытка эмиграции из СССР привлекла внимание международного сообщества, и советское руководство по внешнеполитическим соображениям пошло на компромисс. 25 ноября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение выпустить из СССР отдельными группами «кулацкие элементы меннонитов»²⁶. В результате из СССР смогли выехать те эмигранты, которые остались в столице после арестов и принудительной высылки эмигрантов к местам проживания, предпринятых органами ОГПУ в начале ноября 1929 г. Всего эмиграция удалась 5761 человеку (в том числе 3885 меннонитам), из них, по подсчетам Д. Брандеса, 4410 человек выехали из поселений российских немцев в Западной Сибири, в том числе 2277 из Немецкого района, 1428 — из Славгородского, 170 — из Андреевского, 290 — из Купинского и 245 — из Ново-Омского и Исылькульского районов²⁷.

Насильственное возвращение эмигрантов из Москвы на места проживания (в начале декабря 1929 г. только в Славгородский округ было возвращено 2340 человек) привело к массовому сопротивлению населения мероприятиям советских органов. Эмиграционное движение стало причиной полного разорения хозяйств, которые были распроданы за бесценок, бесхозное имущество эмигрантов передавалось колхозам. Значительная часть реэмигрантов отказывалась от вступления в колхозы и саботировала весной 1930 г. посевную кампанию, надеясь вновь эмигрировать. Ключевую роль в изменении ситуации в пользу власти сыграли массовые репрессии.

Первые аресты эмигрантов прошли еще в январе 1929 г., когда славгородскими чекистами были «изъяты» жители пос. Равнополь Немецкого района, бывший председатель Равнопольского сельсовета И.И. Герцен, кандидат в проповедники меннонитской общины Г.И. Эверт, а также меннониты Э.Г. Курфес, Г.А. Дик, А.И. Зудерман и И.И. Фламинг. В вину им ставилось противодействие мероприятиям советской власти и организация эмиграции, в частности посылки ходока в Москву и выдача справок потенциальным эмигрантам, якобы в результате чего в Славгородский окружной административный отдел за время с 18 декабря 1928 г. по 1 апреля 1929 г. поступили 334 заявки на выдачу иностранного паспорта²⁸. Но арест этой группы был только прелюдией к массовым арестам.

²⁶ Документ опубликован. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы: Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / Сост. А.И. Савин. Новосибирск; СПб., 2006. С. 321–322.

²⁷ См.: Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. S. 287, 296–297.

²⁸ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 5763. Л. 114–117.

Когда в упоминавшемся выше постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 ноября 1929 г. за подписью И.В. Сталина было зафиксировано решение: «В отношении злостных подстрекателей этого [эмиграционного] движения применить репрессивные меры», значительная часть сибирских немцев уже была арестована сотрудниками КРО ОГПУ СССР. Чекисты провели в Москве аресты эмигрантов, только в ночь на 15 ноября было арестовано и заключено в Бутырскую тюрьму около 500 чел. В отношении части арестованных сотрудниками 8-го отделения КРО было начато уголовное следствие, которое предстояло завершить уже чекистам Славгородского окротодела ОГПУ²⁹. Первыми меннонитями, в отношении которых чекисты оперативно завершили 11 декабря 1929 г. следствие, стали проповедник меннонитской общины пос. Хороший (Киргизский) Немецкого района И.Г. Дерксен и житель пос. Шумановка Немецкого района П.Г. Фот, арестованные 5 декабря 1929 г. и обвиненные в подстрекательстве меннонитов к эмиграции в конце ноября — декабре 1929 г., уже после запрещения меннонитам выезда из СССР³⁰. 11 января 1930 г. для передачи на рассмотрение Коллегии ОГПУ было готово дело по обвинению жителей пос. Николаевка Благовещенского района П.Ю. Янца, Г.Г. Фота, Я.Б. Клиппенштейна во главе с проповедником И.П. Гардером, обвинявшихся в организации эмиграции осенью 1929 г. подавляющего большинства жителей пос. Николаевка.

Но настоящим «урожаем» завершенных уголовных дел в отношении эмигрантов был отмечен март 1930 г.³¹: 12 марта 1930 г. было составлено обвинительное заключение в отношении жителя пос. Подснежное Немецкого района Б.Б. Винса, бывшего учителя, уволенного из школы за преподавание детям вероучения. Главные обвинения по данному делу были предъявлены в связи с саботажем Б.Б. Винсом хлебозаготовок осенью 1929 г. и активным участием в эмиграционном движении³². Спустя два дня, 14 марта 1930 г., было завершено следствие в отношении жителей пос. Редкая Дубрава Немецкого района М.А. Эннса, И.А. Петкау, Я.Я. Лоренца и Б.И. Унру. Группе меннонитов-«липпенцев» во главе с проповедником И.А. Петкау вменялось в вину ведение антисоветской агитации под прикрытием отправления религиозных обрядов и организация массового выезда около 80% жителей поселка³³. 20 марта 1930 г. чекисты подготовили материалы к осуждению жителей Немецкого района, проповедников меннонитских церковных общин И.Я. Гассена и Я.С. Большата, а также Я.П. Пеннера, И.К. Дика и В.И. Конрада, обвиненных в подстрекательстве к эмиграции зимой 1929–1930 г.³⁴ На следующий день то же самое произошло в отношении меннонитов пос. Орлово Немецкого района, проповедника Д.Г. Герлена, а также Я.П. Изаака, А.А. Рехерта и П.П. Янца; 24 марта — жителей пос. Мирный, Чистый и Протасово Немецкого района И.К. Дика, П.М. Тиссена и Я.Я. Никкеля. Проповедник меннонитской общины пос. Мирный И.К. Дик в качестве ходока от населения выезжал в Москву,

²⁹ В стандартных заключениях 8-го отделения КРО ОГПУ в отношении арестованных меннонитов было сказано: «Принимая во внимание к-р антисоветскую агитацию [...] и его категорический отказ вернуться к месту своего жительства, полагаю: гражданина [...] направить под конвоем вместе со следственным делом, в Славгородский окротдел ОГПУ, через ШП ОГПУ по Сибкраю, для ведения следствия по месту жительства». См.: заключения по делам В.Б. Эппа и Д.Д. Ремеля: Этноконфессия в советском государстве. С. 322–323.

³⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 13018. Л. 35–40. Коллегией ОГПУ И.Г. Дерксен осужден 23 февраля 1930 г. по ст. 58–10 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы.

³¹ 6 февраля 1930 г. Оргбюро ЦК ВКП(б), заслушав вопрос об «эмиграционном движении среди немцев-крестьян», постановило: «Предложить ОГПУ принять ряд необходимых мер в отношении злостных руководителей контрреволюционной работы в немецких районах». См.: Эмиграционное движение советских немцев в конце 20-х годов // Свободная мысль. 1993. № 12. С. 104.

³² См.: Фаст А.А. В сетях ОГПУ — НКВД (Немецкий район Алтайского края в 1927–1938 гг.). Барнаул, 2002. С. 64–67.

³³ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 19301. Л. 80–83.

³⁴ Там же. Д. 19592. Л. 59–62.

был арестован органами ОГПУ в конце ноября 1929 г. и содержался в Бутырской тюрьме. В вину обвиняемым также стандартно вменялась активная деятельность по организации эмиграции зимой 1930 г. и агитация, направленная на срыв коллективизации и весенней посевной кампании 1930 г.³⁵

26 марта 1930 г. было подготовлено обвинение в отношении активных эмигрантов, жителей пос. Дегтярка и Петровка Немецкого района, проповедника меннонитской братской общины Г.К. Маттиса, проповедников меннонитской церковной общины Г.К. Янцена и П.Г. Вибе, а также Я.И. Вибе, Г.П. Вибе, 28 марта — группы «кулаков» и проповедников пос. Марковка и Степное Немецкого района Б.Б. Эппа, Г.Г. Эппа, Б.И. Эппа, В.Б. Эппа, А.П. Дерксена, Д.Д. Ремпеля, Д.И. Фризена и П.И. Блока³⁶. 31 марта было закончено следствие одного из организаторов эмиграции, жителя с. Хортица Немецкого района и проповедника общины «Исследователей Библии» Я.Я. Никкеля, отвечавшего в Москве за подготовку выезда так называемой 6-й группы эмигрантов в составе 263 чел.³⁷ Кроме того, в марте 1930 г. было проведено следствие в отношении группы «кулаков» и проповедников пос. Хортица и Каратал Немецкого района в составе Д.Д. Беккера, Г.Б. Классена, П.П. Нейфельда, Н.Н. Функа и Я.И. Рихардта, обвиненных в организации эмиграции, срыве весенней посевной кампании и сплошной коллективизации³⁸.

Как указывал впоследствии начальник отделения Особого отдела ОГПУ СибВО и непосредственный участник ликвидации эмиграционного движения сибирских немцев М.М. Подольский, «эмиграцию мы приостановили путем выхвата руководителей»³⁹. Именно арест наиболее авторитетных религиозных и общественных деятелей сибирской немецкой деревни в конце 1929 — начале 1930 г. позволил тайной полиции на время подавить сопротивление немцев коллективизации. Хотя, как указывалось в сводке контрразведывательного отдела ПП ОГПУ по Сибири об эмиграционном движении в немецких колониях Сибирского края по состоянию на 15 апреля 1930 г., «наметившийся в прошлом периоде частичный перелом в сторону понижения эмиграционных настроений среди немецких колонистов лютеран и католиков, совершенно не отразился на основной массе меннонитов, преимущественно зараженных эмиграционным настроением»⁴⁰.

В апреле — мае 1930 г. сопротивление немцев коллективизации стало вновь принимать массовый организованный характер, в апреле на почве продовольственного кризиса участились случаи разгрома населением хлебных амбаров, ряд поселков обратился к органам власти с коллективными требованиями разрешить эмиграцию. Не в последнюю очередь это было связано с давлением, оказывавшимся властями на так называемых «непосевщиков». Так, 3 мая 1930 г. расширенное собрание немцев Чистовского сельсовета Немецкого района в ответ на призывы зам. наркома просвещения РСФСР и уполномоченного ВЦИК В.А. Курца приступить к посевной приняло решение: «эмигрировать, посев не производить»⁴¹. 22 мая 1930 г. секретарь Славгородского окружкома ВКП(б) И.Г. Конончук обратился с просьбой к секретарю Сибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе провести несколько судебных процессов над «кулацко-закиточными элементами», чтобы сломить сопротивление немцев, подавляющее большинство которых «сеять категорически отказывается»⁴². Несмотря на то, что Сибкрайком ВКП(б) рекомендовал от послыки судебной сессии «безусловно воздержаться», пожела-

³⁵ Там же. Д. 19591. Л. 67–71.

³⁶ См.: соответственно: ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 19591. Л. 67–71; Этноконфессия в советском государстве. С. 325–329.

³⁷ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 19424. Л. 35–36.

³⁸ Этноконфессия в советском государстве. С. 342–346.

³⁹ ЦДНИТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 53. Л. 124–125. За указание на цитату благодарим А.Г. Теплякова.

⁴⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1164. Л. 114.

⁴¹ Этноконфессия в советском государстве. С. 346–347.

⁴² Там же. С. 347.

ния славгородских властей были выполнены органами ОГПУ. 20 мая 1930 г., анализируя состояние эмиграционного движения, полномочный представитель ОГПУ по Сибири Л.М. Заковский предлагал: «По линии органов ОГПУ усилить репрессии по отношению лиц, распространяющих провокационные слухи, направив главный удар на кулацкую часть и слухателей религиозных культов нем[ецких] колоний»⁴³. Особое беспокойство властей вызвали факты письменных обращений жителей ряда меннонитских поселков в Славгородский окрисполком с требованием разрешить эмиграцию, а также образование 11 июня 1930 г. меннонитами Благовещенского района так называемой эмиграционной комиссии, задачей которой была отправка ходоков во ВЦИК и Германское посольство в Москве. Выехавшие в Москву руководители комиссии Я.Н. Фаст и Н.Б. Фаст смогли посетить Германское посольство, а 1 июля 1930 г. обратились в НКВД с ходатайством о выезде за границу от имени 300 семейств меннонитов Славгородского округа, о чем незамедлительно был проинформирован народный комиссар внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачев⁴⁴.

Кульминационным моментом сопротивления немецких крестьян мероприятиям советской власти стало антисоветское выступление в с. Гальбштадт 2 июля 1930 г. (так называемое Гальбштадтское восстание)⁴⁵. После его разгрома и ареста органами ОГПУ организаторов и активных участников эмиграционного движения⁴⁶ произошел перелом в отношении немцев Сибири к коллективизации. Репрессии сыграли в этом выдающуюся роль. Анализируя ситуацию по свежим следам Гальбштадтского восстания, руководитель Орггруппы ЦК ВКП(б) Б. Родин писал 3 июля 1930 г. секретарю Славгородского окружкома ВКП(б) В.П. Кужелеву: «О дальнейших шагах. Твердо[сть], с пролетарской диктатурой, должна быть проявлена безусловно. Нельзя останавливаться перед тем, чтобы решительно изъять известных ГПУ главарей-антисоветчиков, и не только арестовывать, а либо гласно судить, либо решением ГПУ сослать, в том числе на тот свет»⁴⁷. Тем не менее надо отметить, что главной мерой наказания в отношении репрессированных эмигрантов выступало лишение свободы на срок 5–10 лет. Только пятеро из обвиняемых в участии в Гальбштадтском восстании — И.М. Винтер, М.С. Кириченко, Д.Ф. Нейфельд, Я.П. Петерс и И.А. Плохотников — были осуждены 31 августа 1930 г. Особой тройкой при ПП ОГПУ по ЗСК

⁴³ Там же. С. 352.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 765. Л. 107.

⁴⁵ Обвинительное заключение от 5 августа 1930 г. в отношении 30 участников Гальбштадтского восстания, см.: Этноконфессия в советском государстве. С. 371–389. Описание и анализ восстания, см.: Brandes, D. Ein «Kulakenaufstand» im sibirischen Halbstadt? // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 1994. № 4. Klartext Verlag, Essen, 1995. S. 98–116; Белковой Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы). М., 1995. С. 111–115; Бруль В.И. Гальбштадтское восстание // Немцы России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 461–462; Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. S. 346–358.

⁴⁶ Кроме 30 участников восстания, в июле 1930 г. также были арестованы 26 меннонитов, причастных к делу эмиграционной комиссии. Обвиняемые по делу были осуждены 18 февраля 1931 г. Коллегией ОГПУ к различным срокам наказания: к 5 годам лишения свободы — Г.Г. Вибе, Я.Б. Петерс, И.П. Фаст, Н.Б. Фаст и Я.Н. Фаст; к 3 годам лишения свободы условно — И.М. Вилль, Г.Я. Гармс, Я.Ф. Гисбрехт, П.П. Госсен, Б.Б. Дерксен, Г.Г. Дик, И.И. Дик, П.П. Зименс, И.И. Классен, Б.Б. Кшиппенштейн, И.Ф. Корнельзен, Я.А. Крюгер, А.А. Левин, И.Г. Нейфельд, П.Г. Нейфельд, Я.Я. Панкрац, Я.П. Плетт, И.А. Рацлаф, П.И. Ретер, А.Г. Ремпель, Я.Я. Фризен. Всего, по данным составителей Книги памяти жертв политических репрессий в Алтайском крае. (Т. 1., Барнаул, 1998), на территории края в 1919–1930 гг. было репрессировано 147 немцев. Подавляющее большинство из этого числа приходится на 1929–1930 гг. На территории Омского округа по нашим подсчетам, основывающимся на данных Книги памяти жертв политических репрессий по Омской области, за 1929–1931 гг. было репрессировано 104 немца.

⁴⁷ ГАНУ. Ф. П. 2. Оп. 2. Д. 470. Л. 377.

к расстрелу⁴⁸. 2 ноября 1930 г. тройкой к расстрелу были также приговорены жители пос. Александровка Немецкого района Д.И. Гизбрехт и А.А. Петерс, осужденные вместе с К.Г. Эстерляйном, П.А. Рихардтом и И.И. Абрагамсом за «нелегальную» деятельность по организации эмиграции летом 1930 г., проведение «незаконной эмиграционной конференции» жителей Немецкого района в пос. Александровка 19 июня 1930 г., руководство и активное участие в Гальбшпгадтском восстании 2 июля 1930 г.⁴⁹

Причиной вступления в колхозы стало также тяжелое материальное положение немцев, т. к. только членам колхозов выдавались продукты питания и кредиты на приобретение семян, инвентаря и тягловой силы. В свою очередь властями края был предпринят ряд мер по восстановлению экономики немецкой деревни, немецкие колхозы получили технику, были выделены ссуды, оказана помощь семенами и скотом. К концу 1931 г. коллективизация немецких хозяйств была завершена. Способствовала этому процессу массовая высылка немцев-«кулаков» на спецпоселение, осуществленная летом 1931 г.

Тем не менее внесудебные репрессии в отношении эмиграционно настроенных сибирских немцев продолжались также во второй половине 1930–1932 гг. В декабре 1930 г. была арестована очередная группа меннонитов в составе А.А. Ретера, Г.М. Фрезе, Ф.Ф. Вибе, Э.Ф. Морица, А.Я. Руфа, М.М. Краузе и А.П. Петерса, а также бывшего члена коллегии защитников в Москве В.И. Павлова, отбывавшего ссылку в Славгороде. Проходившие по делу меннониты обвинялись в организации эмиграции осенью 1930 г., использовании для этого религиозных собраний Славгородской меннонитской общины и ведении анти-советской агитации среди приезжавших в г. Славгород на базар немцев. В.И. Павлов, обещавший через знакомых в Москве исходатайствовать разрешение немцам на выезд за границу, обвинялся в пособничестве в организации эмиграции⁵⁰.

Попытки выезда в Америку через Китай, путем нелегального перехода государственной границы через Амур, или через Японию, путем вербовки на рыбные промыслы на Сахалине, вызывали особую заботу чекистов. 9 декабря 1930 г. были арестованы и впоследствии осуждены жители пос. Полевое Немецкого района Я.И. Тейхриб и И.И. Тевс, обвинявшиеся в попытке организовать выезд жителей поселка на Амур и дальнейшее бегство в Харбин. Так как с. Полевое было, по мнению чекистов, штаб-квартирой эмиграционного движения как Немецкого района, так и всего Славгородского округа, — здесь жил один из организаторов эмиграции К.К. Фризен, которого чекисты упорно разыскивали до его ареста в 1933 г., — то даже только намерение меннонитов выехать на Дальний Восток квалифицировалось как разжигание эмиграции и уголовное преступление, наказанные лишением свободы на 10 лет лагерей⁵¹.

12 октября 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ СССР осудило к разным срокам наказания очередную группу славгородских меннонитов: Д.А. Дика — к 3 годам концлагерей, П.Г. Фота — 3 годам высылки в Казахстан. Г.Б. Фризен, Г.В. Фаст и Д.А. Фризен были освобождены из под стражи с запретом права проживания в 12 населенных пунктах сроком на три года. В отношении еще 8 обвиняемых дело было прекращено. В вину меннонитам ставилась попытка эмигрировать в Америку через Сахалин и передача японской разведке данных о политико-экономическом состоянии Немецкого района. Все обви-

⁴⁸ Всего за 1930 г. тройка ОГПУ по Западной Сибири осудила 16553 чел., в т. ч. 4762 чел. — к расстрелу, 8756 — к заключению в лагерь, 1456 чел. — к ссылке, 1759 — к высылке. См.: *Мозохин О., Гладков Т. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. М., 2005. С. 402–403.*

⁴⁹ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 14583. Л. 143. Коллегия ОГПУ СССР 28 февраля 1931 г. заменила приговор к ВМН для Д.И. Гизбрехта и А.А. Петерса на 10 лет лишения свободы, К.Г. Эстерляйну и П.А. Рихардту срок наказания был снижен до 3 лет условно.

⁵⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 19780. Л. 68–73. За исключением Павлова, расстрелянного по приговору тройки, остальные обвиняемые по делу были осуждены на сроки лишения свободы от 3 до 10 лет.

⁵¹ ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 19787. Л. 69–74.

няемые были арестованы на железной дороге. 13 февраля 1930 г. 9 семейств раздельно предприняли попытку выехать на Сахалин через Иркутск, но были задержаны сотрудниками ОГПУ: 4 семьи в Славгороде и 5 семей 14 февраля 1931 г. — на ж. д. станции Татарская. Перед выездом группы сотрудники Славгородского окротдела ОГПУ рекомендовали некоторым ее участникам отказаться от выезда, что свидетельствует о пристальном внимании к любым рецидивам эмиграционного движения меннонитов⁵².

Очевидно, последним уголовным делом в Сибири в отношении потенциальных эмигрантов в 1930-е годы стало дело бывшего проповедника меннонитской братской общины г. Славгорода Д.Я. Пеннера и его племянника И.И. Дика, обвинявшихся в активных контактах с Германскими консульствами Новосибирска, Ленинграда и посольства в Москве, передаче им сведений о жизни немецкого населения Западной Сибири и ведении агитации за эмиграцию из СССР. «Итак я хотел бы попросить, чтобы ОГПУ не рассматривало бы нас и не обходилось бы с нами как с агитаторами и врагами, а больше вошло бы в наше положение: во-первых, мы ведь имели право выезжать, что доказано на деле, т. к. многие уехали. Также в 1929 г. мы получили свободу от самого Калинина. Позднее, когда в Москве мы были в ОГПУ, нам было сказано, что они нас отпустили бы, но Америка нас не принимает. Теперь Германский консул сказал мне лично, что когда мы будем иметь заграничные паспорта, то мы можем выехать. Поэтому мы просим вас опять и опять войти в наше положение и отпустить нас на свободу, с правом поехать к нашей цели», — писал в своем обращении к властям, уже находясь под арестом, Д.Я. Пеннер⁵³. Но советская власть оказалась глуха к этим призывам. Вплоть до 1970-х гг. с эмиграционным движением советских немцев было покончено.

4. Кампания по борьбе с получателями «гитлеровской помощи» (1933–1934 гг.)

В июле 1932 г. появился циркуляр ОГПУ «О борьбе с разведывательной и вредительско-диверсионной работой немецких фашистов против СССР», который нацеливал местные органы ОГПУ на усиление оперативного обслуживания советских немцев. В частности от них требовалось устанавливать лиц немецкой национальности, находящихся в переписке с родственниками в Германии и других странах, усилить наблюдение за немцами-специалистами, работающими в оборонных отраслях промышленности, а также военнослужащими Красной Армии. В качестве основного направления антисоветской деятельности советских немцев называлось ведение ими открытой фашистской пропаганды, заключавшейся, в том числе, в сравнении условий жизни в Германии и СССР, распространении «фашистской» литературы⁵⁴.

На экономическом положении немецких хозяйств в СССР тяжело сказались ряд неурожайных лет в начале 1930-х гг., ставших, в совокупности с государственными хлебозаготовками, причиной голода в немецких деревнях. Организованная в Германии кампания под названием «Братья в нужде», ставившая своей целью оказание помощи немцам в СССР, пострадавшим от голода, стала причиной очередной антинемецкой акции карательных органов НКВД. Ее жертвами стали получатели продовольственных посылок и денежных переводов из-за рубежа, в вину им ставилась передача за границу сведений о тяжелом положении и голоде среди немцев.

⁵² Там же. Д. 6143. Л. 293–304.

⁵³ Этноконфессия в советском государстве. С. 391–392.

⁵⁴ Текст циркуляра в изложении, см.: Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 75–76.

Телеграмма ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г.⁵⁵, потребовавшая от местных парторганизаций и органов НКВД принять карательные меры в отношении «контрреволюционно и антисоветски настроенных элементов» немецких районов, знаменовала новый этап государственных репрессий в отношении советских немцев. Она же, без сомнения, внесла существенный вклад в формирование концепции немецкой «пятой» колонны. Непосредственной причиной появления телеграммы стало получение голодающим немецким населением СССР гуманитарной помощи из-за границы.

Уже в 1932 г. в ряде районов страны немцы стали получать посылки и денежные переводы из Германии, о чем прекрасно были осведомлены органы государственной безопасности. Так, в Славгородском районе Западно-Сибирского края население получало денежные переводы в валюте через «Торгсин» и непосредственно валюту, вложенную в почтовые отправления, уже летом 1932 г. Отправителем валюты выступал некий «Комитет по оказанию помощи немцам, проживающим в СССР». На полученные деньги в магазинах «Торгсин» уполномоченные комитета из местных меннонитов закупали товары и продукты и раздавали нуждающимся немцам, в первую очередь семьям осужденных проповедников. В январе 1933 г. уполномоченные комитета И.Г. Генрихс и Я.Я. Шпенст были арестованы, но чекистами был ликвидирован только один из многочисленных каналов поступления помощи⁵⁶. По данным УНКВД по Западно-Сибирскому краю, только с января по июль 1934 г. в Германское консульство в Новосибирске поступило свыше тысячи просьб об оказании материальной помощи. За помощью в консульство и благотворительные учреждения Германии обращались жители Немецкого, Славгородского, Любинского, Шербакульского районов, приводя в ходатайствах «вымышленные данные о голоде, отсутствии одежды и проч.». Пресекая «контрреволюционные вылазки» немцев, сибирские чекисты к концу августа 1934 г. ликвидировали 9 «антисоветских групп» с общим числом участников 50 чел.⁵⁷

По-видимому, роль первоначального толчка, приведшего к появлению телеграммы ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г. и ставшего причиной репрессивной «лавины», сыграли обращение начальника политотдела Аккаржанской МТС Спартаковского района Одесской области М. Полянского от 21 апреля 1934 г. к первому секретарю ЦК КП(б)У С.В. Косиору о получении немцами «подачек от Гитлера»⁵⁸. Если Л.М. Каганович посоветовал Полянскому «путем постановки массовой работы добиться отказа колхозников от этой помощи и передачи этих денег в пользу ЦК МОПР», то Косиор дал указание органам ОГПУ Украины предоставить детальную информацию.

В результате 22 мая 1934 г. С.В. Косиору и секретарю ЦК ВКП(б)У П.П. Постышеву была направлена докладная записка о «гитлеровской помощи» за подписью председателя

⁵⁵ Текст телеграммы впервые опубликован В.И. Шишкиным. См.: Советские немцы: у истоков трагедии // Наука в Сибири. 1992. № 28; См.: также одноименную публикацию: Советские немцы: у истоков трагедии // Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1994. С. 102–103.

⁵⁶ См.: Этноконфессия в советском государстве. С. 392–395.

⁵⁷ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, Т. 3: 1930–1934, кн. 2: 1932–1934. Документы и материалы. М., 2005. С. 626–627, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 724. Л. 61–79.

⁵⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД, Январь 1922 — декабрь 1936. Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 527–529, со ссылкой на: АП РФ, ф. 3, оп. 58, л. 268, л. 11–17; *Сергийчук В.* Взнос Гитлера в фонд МОПРА. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zn.ua/3000/3150/40594/>. Уже в 1933 г. оказание помощи немцам приобрело такой размах, что для изучения положения дел в немецких колониях Украины была создана специальная комиссия, подготовившая в сентябре 1933 г. для Политбюро ЦК КП(б)У докладную записку. См.: *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 73.

ГПУ Украины В.А. Балицкого⁵⁹. В преамбуле документа сообщалось об активизации на Украине с момента прихода Гитлера к власти деятельности немецких националистических организаций и консульств, опирающихся на антисоветский актив немецких колоний — духовенство, учительство, кулаков и германских подданных. Главным средством усиления своего влияния на немецкое население Украины правительство Германии избрало оказание «организованной материальной помощи... привлекая для этой работы «Союз зарубежных немцев» («Аусландейче» — филиал германской разведки), располагающий связями в немецких колониях Украины». Посредниками между различными благотворительными обществами, такими как «Братья в нужде», и немецким населением Украины преимущественно выступали в свое время эмигрировавшие в Германию «немецкие пасторы и проповедники». Далее Балицкий информировал руководство Украины о размерах полученной немцами помощи⁶⁰.

Главное преступление, по мнению полномочного представителя ОГПУ СССР на Украине, заключалось в том, что в интересах получения помощи немцы в массовом порядке отправляли в Германию «провокационные письма о голоде и смертности на Украине, заканчивая их просьбами о помощи». Перепиской подобного рода занималось, по данным Украинского ГПУ, до 40% населения немецких колоний Киевской и Одесской области, с просьбами о помощи за границу стало, по примеру немцев, обращаться также польское население. Именно «гитлеровской помощью», а ничем иным, Балицкий объяснял антисоветские настроения населения, отказ от вступления в колхозы, выезд с места проживания, массовый невыход колхозников на работу и т. д. Традиционно рекомендуя «поднять партийно-массовую работу» в немецких районах путем чистки и укрепления партийно-советских кадров⁶¹, председатель ГПУ Украины в заключении сообщил об аресте 85 активных организаторов «гитлеровской помощи» — «преимущественно пасторов, сектантских проповедников, кистеров, лиц из церковного актива, кулаков». Еще около 60 человек были намечены к аресту, чекистская агентура вела «разложеческую работу среди колхозников и единоличников, направленную на отказ от „гитлеровской помощи,“»⁶².

Реакция высшего руководства Украины последовала незамедлительно: уже 3 июня 1934 г. П.П. Постышев и председатель СНК Украинской ССР П.П. Любченко обратились к Сталину с просьбой принять «дополнительные меры со стороны ЦК ВКП(б)», которые привели бы «если не к прекращению, то к решительному ограничению явно провокационной посылки переводов, носящих характер открытой политической фашистской кампании»⁶³. Очевидно, что ходатайство высшего политического руководства Украины должно

⁵⁹ 5 марта 1934 г. Балицкий отправил И.В. Сталину записку о контрреволюционной деятельности немецких консульств Украины. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 494–500. 18 мая 1935 г. Балицкий в своей записке Сталину о боеготовности воинских частей на Украине отметил усиление «фашистских настроений» среди военнослужащих-немцев и предложил перевести их во внутренние военные округа. Санкция Сталина на эту акцию была получена. См. *Харустов В.Н.* Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок». С. 224.

⁶⁰ По данным ГПУ, с апреля 1933 г. по апрель 1934 г. в Одесскую область поступило 132321, в Днепропетровскую — 203000, в Киевскую — 90000, Донецкую — 60000, Молдавию — 2500 руб. золотом.

⁶¹ В одном месте своей выдержанной в верноподданническом тоне записки В.А. Балицкий проговаривается, косвенно свидетельствуя о тяжелой ситуации на Украине, рекомендуя «организовать помощь лучшей части немецкого учительства продовольственными посылками».

⁶² Такие же цифры приводит Ю. Шаповал в своей статье о Балицком. См.: *Schapoval Yuri.* Wsewolod A. Balitzki — Ein Volkskommissar // *Stalinscher Terror.* 1934–41. Hrsg. von W. Hedeler. Berlin, 2002. S. 99. По данным, приведенным В. Ченцовым, за первое полугодие 1934 г. органы ГПУ Украины вскрыли в 240 немецких населенных пунктах 85 фашистских организаций, арестовав по ним более 250 человек, 150 из которых были осуждены. См.: *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. С. 68.

⁶³ См.: Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 527–

было вызвать ответные действия ЦК ВКП(б). 5 августа 1934 г. Политбюро ЦК утвердило принятое опросом членов Политбюро от 25 июля 1934 г. постановление «О немецкой кампании голода», в котором «Комиссии в составе НКВД (т. Крестинский), Госбанк (т. Аркус) и Торгсина» поручалось «внести конкретные предложения о мерах к задерживанию выполнения денежных переводов из Германии». Вторым пунктом было принято решение «Опровергнуть заявление немцев о соглашении с Торгсином в печати и по радио». Одновременно со стороны НКВД на места было послано распоряжение, запрещавшее любую активность немецких консульств, связанную с распределением гуманитарной помощи в деревнях и служащую проведению «провокационной» работы⁶⁴.

По видимому, также летом 1934 г.⁶⁵ было отдано распоряжение зам. наркома НКВД СССР Я.С. Агранова активизировать борьбу с советскими немцами, передававшими на Запад информацию о голоде и, следовательно, распространявшими «клевету о голоде в СССР». Директива последовала вслед за спецсообщением, информировавшем руководство НКВД о распространении в США, Франции и Швейцарии серии диапозитивов о голоде в СССР, собранных бывшим директором германо-советской сельскохозяйственной концессии «Друза» на Северном Кавказе Ф. Дитловым⁶⁶. Сама концессия была ликвидирована в начале 1934 г. по обвинению ее руководства в проведении «разведывательной и фашистской работы», в Азово-Черноморском крае была проведена операция по искоренению «фашистского подполья из немцев-кулаков-меннонитов», ранее работавших в «Друза», в результате было репрессировано около 70 человек⁶⁷.

Таким образом, уже летом 1934 г. руководство СССР располагало всеми необходимыми данными для принятия политического решения о борьбе с получателями «гитлеровской помощи», но оно последовало только в начале ноября 1934 г. Можно высказать предположение, что принятие решения сознательно оттягивалось в интересах успешного проведения хлебозаготовительной кампании 1934 г. и было использовано для подхлестывания активности местного партийного и чекистского руководства как в деле борьбы с «получателями гитлеровской помощи», так и с «саботажем» хлебосдачи в немецких районах.⁶⁸

Хлебозаготовительная кампания 1934 г. проходила в Сибири с большими трудностями и массовым применением репрессий⁶⁹. В условиях голода на Украине и Юге России Сибирь рассматривалась сталинским руководством как последний резерв в обеспечении страны продовольствием. В сентябре 1934 г. по решению Политбюро в районы Сибири выехал председатель Совнаркома В.М. Молотов. По его предложению 20 сентября 1934 г. Москва предоставила секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе право давать санкцию на высшую меру наказания в течение сентября-октября месяцев. Позднее эти полномочия были продлены до 15 ноября 1934 г.⁷⁰ Репрессивную активность кара-

528; *Сергийчук В.* Взнос Гитлера в фонд МОПРА.

⁶⁴ Текст документа любезно предоставлен докт. ист. наук В. Деннингхаусом. См. также: *Doenninghaus V.* Minderheiten in Bedraengnis. Sowjetische Politik gegenueber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitaeten 1917–1938. Muenchen, 2009. S. 518.

⁶⁵ К сожалению, В. Хаустов, введший в научный оборот эти сведения, не указывает дату аграновского распоряжения. Но если учесть, что Агранов занимал пост 1-го зам. НКВД СССР с 10 июля 1934 г., то наиболее вероятной датой является конец лета 1934 г.

⁶⁶ *Хаустов В.* Репрессии против советских немцев. С. 76. Концессия «Друза» была создана в 1924 г. на территории Северо-Кавказского края (с 1928 г. — территория Ванновского немецкого района Армавирского округа), занималась выращиванием элитных семян и селекцией скота.

⁶⁷ *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. С. 71.

⁶⁸ Обнаружить какие-либо следы подготовки решения в протоколах секретариата, Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б), хранящихся в РГАСПИ, автору не удалось.

⁶⁹ См.: Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000. С. 87–130.

⁷⁰ См.: *Патков С.А.* Каганович в Сибири: погромные акции 1929–1936 гг. // Книга памяти жертв

тельных органов в деле хлебозаготовок подстегивал также А.М. Каганович, прибывший в Новосибирск 11 октября 1934 г. В результате за осень 1934 г. только Западно-Сибирским крайсудом было возбуждено 158 дел о «контрреволюционном саботаже» и осуждено 779 чел. Кроме того, в течение месяца (с 5 октября по 5 ноября) крайсуд провел 108 показательных процессов в сельской местности и 72 — в райцентрах и городах: 194 чел. были осуждены к расстрелу⁷¹.

Немецкий район, относившийся к одному из самых зернопроизводящих районов края, подвергался критике за слабый ход хлебозаготовок с самого начала кампании. 14 сентября 1934 г. Западно-Сибирский крайком ВКП(б) и крайисполком в ряду других районных функционеров особо предупредил об исключении из партии и отдаче под суд секретаря Немецкого райкома ВКП(б) и председателя крайисполкома, а также директоров Гляденской и Серебродольской МТС, если они не добьются перелома в ходе хлебозаготовок. Для помощи районным властям в колхозы так называемого Славгородского куста выехал секретарь крайкома ВКП(б) К.М. Сергеев⁷². 25 сентября 1934 г. в с. Гальбштадт Немецкого района с его участием прошло заседание бюро Немецкого РК ВКП(б), на котором обсуждался вопрос о разоблачении «саботажа хлебопоставок». Обсуждение завершилось решением о снятии с должности ряда председателей колхозов Немецкого района⁷³. 22 сентября 1934 г. с критикой на руководство Немецкого района, потерявшего «всякое чувство ответственности», обрушилась главная газета края «Советская Сибирь». 5 октября 1934 г. газета еще раз указала на «возмутительное либеральничанье» руководства района, пользуясь которым «кулацкие недобитки и всякие бывшие люди, оказавшись в колхозах и совхозах, продолжают безнаказанно вредительствовать, подрывать трудовую дисциплину, организовывать саботаж хлебосдачи и огромные потери урожая»⁷⁴.

Знаковым событием для начала репрессий в отношении немецких колхозников стало постановление бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и крайисполкома «О ходе хлебозаготовок по Немецкому району» от 22 октября 1934 г. В документе содержится оценка хода хлебозаготовок в районе как вредительского срыва важнейшей кампании. В этой связи было решено снять с работы, исключить из партии и отдать под суд председателя райисполкома, снять с работы и исключить из партии секретаря райкома и районного прокурора⁷⁵. В район «для поведения соответствующих мер на месте» командировался начальник УНКВД по ЗСК Н.Н. Алексеев⁷⁶.

Закономерным итогом этих решений стала организация в Немецком районе публичных судебных процессов. 25–28 октября 1934 г. в Гальбштадте было рассмотрено дело о контрреволюционном саботаже в колхозе «Рот Фронт», на скамье подсудимых оказалось 9 человек во главе с председателем колхоза И. Шрепфом. 4 человека из них были приговорены к расстрелу, остальные — к заключению в лагерь⁷⁷. 30 октября 1934 г. выездная сессия спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда под председательством члена краевого суда Калинина осудила в с. Петровка Немецкого района руководителей колхоза «Большевик» К.К. Неймана и И.И. Фризена, обвиняемых в контрреволюционном саботаже по ст. 58–14 УК РСФСР, выразившемся в категорическом отказе производить раннюю уборку хлеба в августе

политических репрессий Новосибирской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2. С. 589–596.

⁷¹ Там же.

⁷² Политика раскрестьянивания в Сибири. С. 101.

⁷³ ЦХАФАК. Ф. П. 1892. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

⁷⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. С. 116.

⁷⁵ Более подробно о репрессиях в отношении руководства района, см.: *Белковец А. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни Сибири. С. 186–193.

⁷⁶ ГАНУ. Ф. П. 3. Оп. 7. Д. 177. Л. 34; Политика раскрестьянивания в Сибири. С. 125.

⁷⁷ *Белковец А. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни Сибири. С. 183.

1934 г.⁷⁸ 31 октября 1934 г. еще одна выездная сессия спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда под председательством И.Г. Везжана осудила в Омске проповедника общины меннонитов с. Глядень № 2 Я.С. Больдта, проповедника братской общины с. Глядень № 3 Д.А. Коопа и казначая общины Г.Я. Дика. В этом процессе наиболее наглядно выразилось стремление представить «бывших людей», в данном случае руководителей религиозных общин, виновными за срыв хлебозаготовок. Я.С. Больдат и Д.А. Кооп были расстреляны, Г.Я. Дик осужден на 10 лет лагерей⁷⁹. В этот же день выездная сессия крайсуда в с. Гальбштадт осудила на разные сроки заключения меннонитов, членов колхоза «Форвертс» В.В. Дерксена, К.Д. Цахарнаса и Я.Я. Тиссена за развал колхоза «Форвертс», срыв хлебоуборки и хлебопоставок и так называемые «антикомбайновые» настроения. В вину осужденным было также поставлено участие в эмиграционном движении 1929–1930 гг. 1 ноября 1934 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло решение до 15 ноября 1934 г. не отзывать из немецкого района сессию крайсуда и помощника крайпрокурора, «обязав в это время рассмотреть все дела на месте по контрреволюционному саботажу хлебозаготовок»⁸⁰.

Дальнейшее развитие репрессий в отношении немцев проходило уже под воздействием телеграммы ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г. В постановлении бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) «О мероприятиях по борьбе с контрреволюционными элементами среди немецкого населения» от 13 ноября 1934 г. содержались директивы партийным, советским органам и органам НКВД по проведению репрессий в отношении немецкого населения края. В частности в постановлении говорилось: «Обязать органы НКВД, прокуратуры и суда обеспечить быстрое рассмотрение дел на фашистский, саботажный и прочий к-р. элемент в немецком районе и немецких колхозах других районов. Организаторов и активных распространителей „гитлеровской помощи“ подвергнуть аресту. Дела на к-р. элементы в случае установления их виновности в других к-р. преступлениях, кроме организации и распространения „гитлеровской помощи“, рассматривать в местных судах, применяя к ним особо суровые меры со[циальной] защиты. Предложить райкомам ВКП(б) через РИКи и сельсоветы на общих собраниях потребовать от немецкого населения прекращения всякой связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями и отказа от „гитлеровской помощи“, предупредив их, что в случае нарушения этого требования они будут привлечены к ответственности. Обязать органы НКВД впредь виновных в нарушении этого требования арестовывать»⁸¹.

С этого момента карательная акция шла по двум направлениям: в отношении «саботажников» хлебозаготовок и в отношении получателей «гитлеровской помощи», искусственно объединявшихся в «к-р. фашистские группировки» специально посланными 15 ноября 1934 г. в немецкие районы края оперативными бригадами НКВД. Выполняя постановление крайкома ВКП(б) от 13 ноября 1934 г., выездная сессия спецколлегии краевого суда провела с 17 ноября по 9 декабря 1934 г. еще четыре показательных процесса в немецком районе. 17–18 ноября 1934 г. в пос. Дяпилевка Орловского сельского совета на скамье подсудимых оказались жители пос. Дяпилевка, члены колхоза «Друг Рабочего» П.Я. Гербрандт, И.Я. Дерксен, К.Г. Эпп и председатель колхоза «Друг Рабочего» Г.Ф. Унру, обвиненные в

⁷⁸ ГАНО. Ф. 1027. Оп. 2. Д. 143. Л. 2–2 об.

⁷⁹ Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг.: Документы и материалы. Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 297–298.

⁸⁰ Политика раскрестынивания в Сибири. С. 129. Показательно, что на этом же заседании руководство края констатировало выполнение годового плана хлебозаготовок на 101% и отправило об этом рапорт руководству Политбюро.

⁸¹ ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 1. Д. 600 в. Л. 85–88. Опубликовано: Советские немцы: у истоков трагедии / Публикация подготовлена В.И. Шнишкиным // Наука в Сибири. 1992. № 28; См. также одноименную публикацию: Советские немцы: у истоков трагедии // Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1994. С. 103–106.

систематической контрреволюционной агитации, направленной на развал колхоза и создание эмиграционной группы. Судебное заседание завершилось осуждением обвиняемых, бывших участников эмиграционного движения, к ВМН и длительным срокам лишения свободы по обвинению в контрреволюционном саботаже по ст. 58–14 УК РСФСР⁸². 19–20 ноября 1934 г. в с. Петровка Немецкого района судили членов колхоза «Большевик» Ф.Ф. Берха, П.Г. Буллера, А.Я. Вибе и Г.Г. Янцена за отказ проводить уборку незрелого хлеба для выполнения плана хлебопоставок. Суд приговорил к расстрелу бывшего проповедника меннонитской общины Ф.Ф. Берха и кулака П.Г. Буллера; А.Я. Вибе и Г.Г. Янцена — соответственно к 10 и 5 годам лишения свободы⁸³. 6 декабря 1934 г. в пос. Чернавка Александровского сельсовета за контрреволюционную агитацию против колхозного строительства, саботаж, связь с немецким консулом в Новосибирске и «обращение к Гитлеру за помощью» на сроки от одного года до пяти лет были осуждены члены колхоза «Хлебороб» И.Г. Тиссен, Ф.Ф. Шредер, Д.П. Унру и А.А. Валл⁸⁴. На последнем выездном заседании сессии спецколлектива Западно-Сибирского краевого суда за контрреволюционный саботаж, срыв хлебоуборок и хлебопоставок, антиколхозные и т.н. «антитракторные» настроения осудили жителей пос. Кусак Немецкого района, членов колхоза «Роте Фане» В.Я. Каздорфа, Д.А. Фаста, Г.Г. Реймера, М.М. Энса, И.Г. Мантляра⁸⁵.

Всего в Немецком районе, по данным исполняющего обязанности председателя краевого суда И.Г. Вежана, выездной сессией было рассмотрено 8 дел о саботаже хлебозаготовок, по которым было осуждено 35 человек, из них 28 за контрреволюционный саботаж по 58–14 ст. УК, из них приговорено к расстрелу 8 человек⁸⁶. Самым крупным из судебных процессов в «омской» группе немецких поселений стало дело о фашистской организации в Любинском и Седельниковском районах, состоявшей из 36 человек и якобы возглавлявшейся пастором лютеранской церкви В. Лорером⁸⁷.

Урожай жертв по линии опербригад НКВД оказался куда более весомым. Рапортуя об их деятельности, 25 декабря 1934 г. начальник УНКВД по ЗСК Н.Н. Алексеев указывал, что «в результате агентурно-оперативных мероприятий по немецким колониям за 1934 год было всего ликвидировано: к-р. фашистских организаций — 5, группировок — 84, одинок — 33, по которым привлечено к ответственности 577 человек»⁸⁸.

Одним из наиболее крупных стало дело так называемой контрреволюционной фашистской организации Родинского района, якобы возглавлявшейся председателем колхоза «Электрик» К.К. Диком. Из 18 человек, осужденных по данному делу, четверо — Д.Б. Гардер, И.И. Гиберт, И.К. Плет и П.К. Унру проходили как проповедники меннонитских и баптистских общин, А.Д. Гардер — как сын «учителя-проповедника», Г.П. Нейман — как председатель совета баптистской общины, А.Я. Дик, П.И. Зименс и Я.Ф. Цильке — как «активные сектанты». Кроме того, в справке Гляденского сельсовета указано, что И.П. Плет был проповедником «секты субботников». Таким образом причиной осуждения 10 человек были в том числе их религиозные убеждения. 15 апреля 1935 г. Специальная коллегия Западно-Сибирского краевого суда осудила по ст. 58–4–10–11 П.С. Бестфатера, И.И. Гиберта (стар-

⁸² ГАНО. Ф. 1027. Оп. 2. Д. 134. Л. 7–8.

⁸³ Там же. Д. 146. Л. 3–5.

⁸⁴ Там же. Д. 153. Л. 3–5; ОСД УАДАК. Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 8701, том 8. Л. 388–390. Приговор опубликован: Этноконфессия в советском государстве. С. 414–416.

⁸⁵ ГАНО. Ф. 1027. Оп. 2. Д. 138. Л. 2–3.

⁸⁶ ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 15–17. Опубликовано: Советские немцы: у истоков трагедии // Возвращение памяти. С. 108–111.

⁸⁷ См. документ № 347.

⁸⁸ ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 55–60. Опубликовано: Советские немцы: у истоков трагедии, 1992. № 30; см. также одноименную публикацию: Советские немцы: у истоков трагедии // Возвращение памяти. С. 112–117.

пего), К.К. Дика и Г.П. Неймана — к ВМН; А.Д. Гардера, В.Д. Гардера, Н.П. Зименса, И.П. Зименса и П.П. Унру — к 10 годам; И.К. Плета, П.К. Унру — к 8 годам, П.И. Зименса, И.П. Плета — к 7 годам; И.И. Гиберта (младшего), А.Я. Дика и Я.Ф. Цильке — к 5 годам; Г.Я. Дика — к 3 годам концлагерей. Д.Б. Гардер был осужден к 5 годам лагерей 23 октября 1935 г.

Выполняя указание ЦК ВКП(б) о применении арестов и расстрелов к антисоветским элементам немецких колоний, содержащиеся в секретной телеграмме от 5 ноября 1934 г., Западно-Сибирский крайком ВКП(б) и УНКВД по ЗСК организовали и осуществили антинемецкую репрессивную акцию, результатом которой стала высылка сотен крестьянских семей в Нарым и привлечение к уголовной ответственности только до конца 1934 г. около 600 немцев⁸⁹. Результат не заставил себя ждать. Рапортуя в ЦК ВКП(б) о «реализации постановления ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 года по борьбе с контрреволюционным фашистским элементом в немецких колониях», Р.И. Эйхе с удовлетворением констатировал, что если по Немецкому району за июль 1934 г. население отправило в Германское консульство в Новосибирске 248 ходатайства об оказании помощи, то в остальные месяцы до февраля 1935 г. таких ходатайств не поступало; по Славгородскому району в июле 1934 г. поступило 34 ходатайства, потом до февраля 1935 г. ходатайств не было; по Мошковскому району за июль 1934 г. поступило 5 ходатайств, в январе 1935 г. — 1 ходатайство.

В январе 1935 г. о результатах борьбы органов НКВД с «фашистскими контрреволюционными организациями» во исполнение директивных указаний ЦК ВКП(б) Г.Г. Ягода доложил И.В. Сталину. По информации Ягоды, была пресечена деятельность организаций «Братья в нужде» и «Союз зарубежных немцев», активисты которых передали советским немцам, проживавшим в Украине, в Северо-Кавказском крае и АССР НП более 600 тыс. марок и 14,5 тыс. долларов. В рамках репрессивной кампании за 1934 г. были арестованы около 4 тыс. советских немцев.⁹⁰ В течение 1934–1936 гг. органы ГУТБ НКВД СССР провели масштабную разработку «Коричневая паутина», в ходе которой на учет были взяты все лица, имевшие какие-либо отношения с германскими дипломатическими представительствами. В поле зрения госбезопасности попали сотни советских граждан немецкой

⁸⁹ По данным Немецкого РК ВКП(б), по состоянию на 11 декабря 1934 г. в районе органами НКВД было «изъято» около 160 чел. «активных организаторов контрреволюционной работы» и раскрыто 11 контрреволюционных групп. ЦХАФАК. Ф. П. 1892. Оп. 1. Д. 20. Л. 40–41. По данным Р.И. Эйхе, сообщенным им в феврале 1935 г. в ЦК ВКП(б), в период уборочной кампании по немецким колониям края было ликвидировано: групповых дел — 35, одиночек — 37, арестовано по ним 294 чел. После 5 ноября 1934 г. по линии НКВД было дополнительно ликвидировано: групповых дел — 38, одиночек — 1, арестовано по ним 258 человек. Общее количество арестованных по Немецкому р-ну составило 293 чел. Итоговые цифры Эйхе назвал такие же, как и содержащиеся в рапорте УНКВД по ЗСК от 25 декабря 1934 г.: «к-р фашистских организаций — 5; группировок — 84; одиночек — 46, по которым привлечено к ответственности 577 человек. Из общего количества оперированных по краю на районы с немецким населением, выделенные в Омскую область и Красноярский край, падает 106 человек». См.: ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 79–85. Машинописная копия. Опубликовано: Советские немцы: у истоков трагедии, 1992. — № 30; См. также одноименную публикацию: Советские немцы: у истоков трагедии // Возвращение памяти. С. 117–123. В Книге памяти жертв политических репрессий в Алтайском крае, т. 2, составители привели данные о 199 немцах, осужденных в 1931–1936 гг., львиная доля из этого числа падает на 1934–1935 гг. По нашим подсчетам, основывающимся на данных Книги памяти жертв политических репрессий, в 1934–1935 гг. в ходе антинемецкой кампании в Омской обл. было репрессировано 182 чел.

⁹⁰ Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. С. 77; Он же. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок». С. 223. Хаустов здесь отмечает, что «массовые разработки среди немцев в значительной мере базировались только на фактах распространения материальной помощи и передачи за рубеж «клеветы» о голоде среди немцев в СССР».

национальности, но «вскрыть» мифический «нелегальный центр германской фашистской партии» Особому отделу ГУГБ не удалось⁹¹.

Тем не менее 1935–1936 гг. знаменовались рядом крупных «шпионских» дел, «вскрытых» органами НКВД, основными фигурантами которых проходили советские немцы. В течение 1935 г. НКВД СССР «разоблачил» 24 группировки, работавших «под прикрытием» «Друзья» в Азово-Черноморском крае, АССР НП, Куйбышевском крае и на Украине, репрессировав 103 человека⁹². В АССР НП в четвертом квартале 1935 г. было арестовано 218 человек, проходивших по делам пяти «фашистских немецких организаций» и 17 групп, в том числе 18 меннонитов — по делу «Ракета»⁹³.

1 марта 1935 г. нарком внутренних дел СССР Г.Г. Ягода проинформировал секретаря ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова о контрреволюционной деятельности преподавателей и студентов немецкого отделения Московского педагогического института новых языков и работников германской группы редакции иностранных словарей издательства «Советская энциклопедия». Лингвистам ставилось в вину то, что «Большой немецкий словарь» якобы заполнялся ими «религиозно-мистическими и расистскими словами», которые легко можно было использовать при чтении фашистской литературы, в то же время почти отсутствовала «марксистская терминология»⁹⁴. Главой «вскрытой» группы чекисты сделали профессора Елизавету Александровну Мейер, редактора словаря. В действительности криминал состоял в родственных связях — Е.А. Мейер была дочерью главы Немецкой евангелической лютеранской церкви СССР, епископа Т. Мейера, умершего в 1934 г. Ее брат, Т. Мейер, в 1934 г. был расстрелян по обвинению в шпионаже. Вторым лицом в «организации» стал П.А. Альтгаузен, автор-редактор Большого немецко-русского словаря, бывший юриконсульт Высшего лютеранского церковного совета, который в 1924 г. арестовывался ОГПУ по подозрению в шпионаже.

По версии чекистов, Е.А. Мейер была еще в 1920-е годы завербована М. Фасмером, директором Института славяноведения (Берлин). Члены группы якобы собирали и пересылали в Германию сведения о немцах, проживающих на территории СССР, крайне необходимые для Германии в случае войны с СССР. 22 марта 1935 г. Мейер показала на допросе нач. СПО НКВД СССР Г.А. Молчанову, нач. 4 отделения СПО ГУГБ И.В. Штейну и оперуполномоченному отделения Е.В. Хорошкевич, что три раза выезжала в Крым и изучила 23 немецкие колонии Симферопольского, Евпаторийского, Джанкойского и Феодосийского районов⁹⁵. Альтгаузен для шпионажа использовал свое служебное положение — в Высшем лютеранском церковном совете были сведения о всех лютеранских приходах. На квартире у епископа Мейера он неоднократно встречался с советником германского посольства Г. Хильгером, послом фон Дирксеном, а также с корреспондентом «Кельнише Цайтунг» Юстом, которым «передавал» сведения о немецких колонистах. Секретаря посольства Г. Штельцера Альтгаузе информировал о положении лютеранской церкви в СССР и арестах среди духовенства, от него же якобы получил задание на организацию групп из немецкой молодежи⁹⁶. Для придания шпионской организации большего веса чекисты добивались также показаний о связи ее членов с профессорами В.М. Жирмунским (Ленинград), Г.Г. Дингесом (скончавшемся в 1932 г. в ссылке в с. Колпашево) и А. Штромом (Одесса)⁹⁶.

Всего по делу в рамках разработки СПО ГУГБ НКВД СССР «Арийцы» был арестован 41 человек, в т.ч. в Ленинграде — меннониты учителя А.П. Дик, Я.П. Пеннер, Г.П. Ретер, Г.Г. Барг, палеонтолог Г.А. Функ, быв. уполномоченный Немецкого консульства по охра-

⁹¹ Там же. С. 224.

⁹² *Челцов В.В.* Трагические судьбы. С. 71.

⁹³ *Хуатов В.* Репрессии против советских немцев. С. 81.

⁹⁴ РГАСПИ, ф. 671 (Н.И. Ежова), оп. 1, д. 241, л. 33–37, 41.

⁹⁵ Там же, л. 58

⁹⁶ Там же, л. 46.

не могил немецких воинов Д.А. Дик и его дочь Мария, студентка Московского института новых языков в Москве. По оценке В. Хаустова, дело группы Мейер-Альтгаузена сыграло существенную роль в усилении репрессий в отношении советских немцев, так как в мае 1935 г. на места был отправлен циркуляр СПО «О немецкой фашистской организации в СССР», ориентированный сотрудников НКВД на вскрытие шпионских антисоветских организаций среди немецкой интеллигенции и в очередной раз подчеркивавший роль населения немецких колоний в качестве потенциальной диверсионно-повстанческой базы. В июне 1936 г. руководством НКВД было принято решение ликвидировать все связи германских представителей в СССР с советскими немцами. Как отмечает В.Н. Хаустов, в «отличие от предыдущих лет в конце 1936 г. при разработке окружения германских представительств ставилась задача почти полной изоляции их сотрудников от советских граждан»⁹⁷.

В сентябре 1936 г. Экономическое управление НКВД Украины ликвидировало «немецкую контрреволюционную диверсионно-повстанческую организацию», якобы сформированную в 1931 г. из немцев — бывших помещиков, белых, членов меннонитского «Союза голландских выходцев на Украине» и некоего Всесоюзного центра немцев-баптистов. Ячейки организации были «вскрыты» в немецких колониях Донецкой и Днепропетровской областей, на предприятиях Артемовска, Днепропетровска, Константиновки, Краматорская, Славянска⁹⁸. Причиной активности чекистов в «немецком» направлении стала директива ЭКО НКВД СССР о деятельности германской разведки, разосланной в январе 1936 г. Впрочем, в июле 1936 г. В.А. Балицкий в своей телефонограмме руководству областных управлений НКВД критиковал медленные темпы разработки дел по «немецкой» линии и потребовал ускорить как оперативную, так и следовательскую работу по делам немцев, тщательно «вскрывая» роль немецких консульств в течение последних лет⁹⁹.

В 1936 г. УНКВД по Северо-Кавказскому краю в Александровском районе была ликвидирована «фашистская группа меннонитов, ставившая своей задачей формирование кадров для активных действий в тылу Красной Армии на случай войны против Советского Союза» во главе бывшим жителем Славгородского округа Н.А. Реймером. По версии следствия, вдохновителем и фактическим основателем группы был бежавший из лагеря и проживавший на нелегальном положении Я.А. Ремпель, бывший председатель меннонитской «Комиссии по церковным делам»¹⁰⁰. В Немецком районе Западно-Сибирского края, начиная с августа 1936 г., около трёх месяцев по «ликвидации шпионских ячеек» работал сотрудник Особого отдела УНКВД по ЗСК Е.В. Клишко, в результате чего был арестован ряд «шпионов»¹⁰¹. В течение ноября 1936 г. в целом по СССР по делам о немецком шпионаже было арестовано 136 чел., в том числе 21 германский подданный, 4 подданных других государств и 111 советских граждан¹⁰².

Таким образом, к началу «Большого террора» сложилась устойчивая карательная традиция в отношении советских немцев, а тайная полиция сформировала, начиная с середины 1920-х гг., концепцию «немецкой пятой колонны» в СССР, выступившей для политического руководства СССР обоснованием массовых репрессий в отношении советских немцев¹⁰³. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется отсутствие специального опе-

⁹⁷ Хаустов В.Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок». С. 224.

⁹⁸ Ченцов В.В. Трагические судьбы. С. 84.

⁹⁹ *Scharowal Juri*. Wsewolod A. Balitzki — Ein Volkskommissar, S. 100.

¹⁰⁰ См. док-т № 383.

¹⁰¹ Тепляков А.Г. Машина террора. ОГПУ — НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 369.

¹⁰² Хаустов В.Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок». С. 225.

¹⁰³ В литературе имеется также упоминание о директивах ГУТБ НКВД СССР «О мероприятиях по

ративного приказа НКВД СССР на проведение операции по «немецкой линии» в 1937 г. (приказ № 00439 от 25 июля 1937 г., который иногда ошибочно называют таковым, не был непосредственным образом связан с последующей массовой немецкой операцией и был направлен на очистку оборонных заводов от немецких подданных)¹⁰⁴.

То, что объектом репрессий оказывалось едва ли не все немецкое население СССР, уже не вызывало вопросов у сотрудников НКВД¹⁰⁵. «Товарищ Сталин, — писал, обращаясь к вождю в марте 1939 г. сотрудник УНКВД по Алтайскому краю сержант ГБ Т.У. Баранов, исключенный из ВКП(б) за «перегибы» во время осуществления «немецкой» операции, — перед концом своего заявления я хочу сказать только одно, что помня Ваши слова о капиталистическом окружении — я и другие исходили при аресте контрреволюционного элемента именно только вокруг этого¹⁰⁶ — т. е. изъять не только активный вражеский контингент, но и базу для него, которой у нас являются немцы, поляки, харбинцы и прочая сволочь, еще притаившаяся, но готовая в любую минуту взять оружие в руки и выступить против страны социализма»¹⁰⁷.

5. Немцы Сибири как целевая группа «Большого террора» (операция по приказу НКВД № 00447 и операция по «немецкой линии»)

В августе 1937 — ноябре 1938 г. органами НКВД СССР был осуществлен ряд широкомасштабных репрессивных акций, ставших известными позже под собирательным названием «Большой террор». Наибольшее количество людей было репрессировано в рамках операции по приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. («кулацкая операция»), а также в ходе операций по «национальным линиям», направленных против считавшихся нелояльными национальных меньшинств.

На первый взгляд, изучение репрессий 1937–1938 гг. в отношении немцев Сибири не может пожаловаться на недостаток внимания со стороны исследователей. За последние годы в свет вышли четыре работы, в которых авторы в том числе ставили своей целью изучение репрессий 1937–1938 гг. В монографии Л.П. Белковец тема «Большого террора» даже заявлена в названии книги¹⁰⁸. В действительности же внимание исследовательницы оказалось сосредоточено на исследовании попытки массовой эмиграции немцев в 1929–1930 гг. В главе, посвященной массовым операциям НКВД, рассматриваются преимущественно действия чекистов в отношении консульства Германии в Новосибирске. В работе В.И. Бруля дано только короткое описание репрессивной акции в отношении жителей

борьбе с разрушительной деятельностью германской разведки в народном хозяйстве» от 14 октября 1936 г. и «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии на территории СССР» от 2 апреля 1937 г. Тексты директив никогда не публиковались, но есть основания считать, что в них советские немцы вновь рассматривались в качестве потенциальной повстанческой и вербовочной шпионажной базы немецкой разведки. Так, в отношении первого упомянутого циркуляра В.Н. Хаустов глухо сообщает, что «намечались меры, ущемляющие права иностранцев, являвшихся советскими гражданами». См. Хаустов В.Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок». С. 221.

¹⁰⁴ В отчетах УНКВД украинских областей, содержащих сведения о проведении всех массовых операций, в том числе и по национальным линиям, указывалось, что в рамках «немецкой» операции репрессии проводились «в порядке приказа № 00485» (т.е. приказа о проведении репрессий в отношении поляков), но отнюдь не в порядке приказа № 00439. См.: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украине 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010 (в печати).

¹⁰⁵ В отличие от «польской» операции, для обоснования проведения которой потребовался отдельный приказ НКВД СССР № 00485 и сопроводительные инструкции.

¹⁰⁶ Так в тексте. Имеется виду «из этого».

¹⁰⁷ ЦХАФАК. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 241. Л. 14.

¹⁰⁸ Белковец Л.П. Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири...

одного из немецких сел Алтайского края¹⁰⁹. В разделе монографии Д. Брандеса и А. Савина, посвященном репрессиям 1937–1938 гг., авторы опирались преимущественно на уже опубликованные работы и ограничились кратким схематическим анализом¹¹⁰. Последняя из опубликованных книг, работа А.А. Фаста, по сути дела представляет из себя квази-сборник документов и содержит изложение ряда архивных материалов, извлеченных автором из архивно-следственных дел репрессированных в 1930-е годы жителей Немецкого района Алтайского края¹¹¹.

Таким образом разделы всех вышеупомянутых работ, посвященные массовым операциям 1937–1938 гг., объединяют общие недостатки: они методологически слабы, акцент авторами делался прежде всего на жестокость и массовость репрессий в ущерб систематическому изучению как самих репрессий, так и их жертв. Крайне недостаточна источниковая база исследований. Так, только В.И. Брулем и А.А. Фастом в небольшой степени задействованы документы Отдела специальной документации Управления архивным делом администрации Алтайского края (ОСА УАДАК), содержащего архивно-следственные дела жертв «Большого террора» в крае. Ни одним исследователем не использовались архивно-следственные дела, хранящиеся в архиве Управления Федеральной службы безопасности (УФСБ) по Омской области¹¹². Необходимо также отметить, что такой важный массовый источник, как книги памяти жертв политических репрессий Алтайского края и Омской области были опубликованы позже появления анализируемых публикаций и закономерно оказались в них неиспользованными. В результате отсутствует цельная картина репрессий, каждый из авторов изучал только отдельный ее сегмент.

Вместе с тем, несмотря на указанные недостатки, на сегодняшний день создан определенный задел в изучении вопроса. Важные фактические и методологические сведения, в первую очередь о планировании и осуществлении террора из перспективы центра, содержатся в публикациях М. Юнге и Р. Биннера¹¹³, Т. Мартина¹¹⁴, Н.В. Петрова¹¹⁵, А.Б. Рогинского, Н. Охотина¹¹⁶. Таким образом закономерно встает вопрос об изучении вопроса на качественно новом методологическом уровне, основываясь на широкой источниковой базе¹¹⁷.

Главное внимание, на наш взгляд, теперь должно быть уделено сравнению репрессий в отношении меннонитов в ходе «кулацкой» и «немецкой» операций НКВД. В известных нам опубликованных директивных документах руководства НКВД СССР эпохи массовых операций не существует прямых указаний о репрессиях в отношении меннонитов. Только в проекте приказа НКВД СССР «О недочетах подготовки и проведении массовых операций на Украине»¹¹⁷, который был подготовлен по результатам поездки Н.И. Ежова на Украину в

¹⁰⁹ Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха, 1995.

¹¹⁰ Brandes, D., Savin, A. Die Sibirerndeutschen im Sowjetstaat...

¹¹¹ Фаст А.А. В сетях ОГПУ — НКВД...

¹¹² К сожалению, документы этого ведомственного архива ФСБ остаются недоступными для исследователей.

¹¹³ Юнге, М., Биннер, Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

¹¹⁴ Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

¹¹⁵ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

¹¹⁶ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 35–75.

¹¹⁷ Наиболее доступными для исследования являются протоколы «троек» и архивно-следственные дела осужденных лиц, хранящиеся в Отделе спецдокументации Управления архивным делом администрации Алтайского края (ОСА УАДАК). Нами были обработаны все 382 дела, содержащие 20 протоколов заседаний тройки за октябрь — декабрь 1937 г. и 23 протокола — за март — ноябрь

феврале 1938 г., критикуя недостаточную выявленность новых контингентов «по польской, немецкой, румынской операциям, являющимися для Украины основными в разгроме и ликвидации шпионских баз», Ежов потребовал от подчиненных в том числе «полностью репрессировать [...] актив ранее существовавших немецких пангерманских организаций и союзов («Союз меннонитов», «Союз колонистов германской расы», «Союз немцев Черноморья» и т.п.)»¹¹⁸. Это единственный известный нам случай, когда в документах НКВД СССР непосредственно содержится прямое указание о репрессиях в отношении меннонитов.

Отсутствие прямых установок на репрессирование меннонитов в директивных документах НКВД отнюдь не означает, что репрессии в их отношении целенаправленно не проводились. В случае с операцией по приказу № 00447 меннониты уничтожались или заключались в лагеря как наиболее активная и ортодоксальная составная часть «сектантства», в случае с операциями по «национальным линиям» — как часть немецкой диаспоры. Таким образом как в случае с «кулацкой» операцией репрессии в отношении меннонитов можно изучать только в качестве составной части репрессий в отношении «сектантства», так и репрессии, которым меннониты подверглись в ходе операций по «национальным линиям», могут быть адекватно изучены только в общем контексте «немецкой операции» НКВД.

Необходимо также выявить точки соприкосновения операций, выяснить, какое место занимали репрессии против «националистических» сил в рамках «кулацкой» операции и репрессии против «социально чуждых элементов» — в рамках «немецкой» операции. Одним из наиболее важных вопросов, на который должен быть дан ответ, является вопрос о том, производились ли преследования в отношении немцев в ходе «немецкой» операции независимо от социального прошлого и индивидуальных деяний жертв, только на основании принадлежности к немецкому меньшинству.

Для достижения поставленной цели необходимо выяснить, какие критерии имели решающее значение для определения жертв обеих операций, какие группы населения подвергались особенно жестокому преследованию. Важным представляется определить, в какой степени жертвы массовых операций, в первую очередь «немецкой», были сопричастны к определенным «группам риска», постоянно находившимся в поле зрения ОГПУ — НКВД, таким как участники эмиграционного движения 1929–1930 гг., священнослужители, пресвитеры и проповедники, получатели «гитлеровской помощи», осужденные, посетители иностранных консульств, лица, имевшие родственников за границей и т. д. Необходимо также сделать акцент на специфических различиях в действиях НКВД в ходе «кулацкой» и «немецкой» операций. В результате должны быть установлены региональные масштабы и особенности репрессивной акции в отношении меннонитов, а также получен ответ на вопрос о случайном (бессистемном) или планомерном характере репрессий, являющийся центром дискуссии о «Большом терроре».

5.1. Репрессии в отношении меннонитов в ходе «кулацкой» операции НКВД

**«Антисектантская» акция —
общесоюзный уровень**

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло свое печально известное решение «Об антисоветских элементах», потребовав взять на учет всех возвратившихся из ссылки кулаков и уголовников, «с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки», а менее опасные элементы были бы подвергнуты высылке. На следующий день руководство НКВД шифротелеграммой № 266 отдало соответствующий приказ начальникам управлений.

Одной из главных целевых групп операции стали верующие, в том числе члены протестантских и неопротестантских церквей баптистов, евангельских христиан, меннонитов,

1938 г., а также значительное количество архивно-следственных дел.

¹¹⁸ См. документ № 375.

адвентистов седьмого дня, пятидесятников и др.¹¹⁹. В соответствии с приказом наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г., знаменовавшего собой начало самой массовой репрессивной, так называемой «кулацкой», операции НКВД по уничтожению последних «несоциалистических элементов» и ликвидации «повстанческой базы» в СССР на случай войны, «сектанты» должны были быть уничтожены как одни из «главных зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений». Репрессии также распространялись на «наиболее активных» «сектантских активистов, церковников», которые к моменту начала операции содержались в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях¹²⁰.

Актуализация проблемы борьбы с религиозными организациями, в том числе с «сектами», произошла в ходе принятия конституции 1936 г. и подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. Отмена ограничений на участие в выборах, в том числе для служителей культа, а также декларации о «расширении советской демократии» привели к тому, что у части населения действительно возникла надежда на то, что государство откажется от гонений на религию. Во всех регионах Советского Союза выдвигались требования вернуть верующим церкви и молитвенные дома, разрешить отправление религиозных ритуалов, о чем было проинформировано руководство партии.

В январе 1937 г. заместитель заведующего отделом культуры и образования ЦК ВКП(б) С.М. Тамаркин сообщил секретарям ЦК А.М. Кагановичу, А.А. Андрееву и Н.И. Ежову о плачевном состоянии антирелигиозной пропаганды в СССР и усилившейся активности «церковников» всех исповеданий. По его данным, на территории страны функционировали 20 тыс. церквей и мечетей, 24 тыс. служителей культа и 600 тыс. церковных активистов вели свою подрывную деятельность, антирелигиозная работа была повсюду свернута¹²¹. О провале антирелигиозной деятельности свидетельствовали и результаты Всесоюзной переписи населения, проведенной в январе 1937 г.¹²²

¹¹⁹ Первоначальными формами протестантизма были лютеранство, цвинглианство, кальвинизм, унитарианство, социанство, меннонитство, анабаптизм и англиканство. В дальнейшем возник ряд течений, известных как поздний протестантизм, или неопротестантизм: баптисты, методисты, квакеры, адвентисты, пятидесятники, Армия спасения и ряд других. Формирование большинства этих течений проходило под знаком «религиозного возрождения» (ривайвализм), возврата к идеалам раннего христианства и Реформации. В советской терминологии совокупность евангельских церквей традиционно именовалась «сектантством», а члены данных церквей — «сектантами».

¹²⁰ Подробнее о репрессиях в отношении «сектантства» см.: *Savin Andrej. Die evangelischen Gläubigen Sibiriens als Zielgruppe der Massenoperation des NKVD im Rahmen des Befehls Nr. 00447. In: Die Deutschen und das östliche Europa. Aspekte einer vielfältigen Beziehungsgeschichte. Festschrift für Detlef Brandes zum 65. Geburtstag. Hg. v. Dietmar Neutatz und Volker Zimmermann. Essen: Klartext, 2006. S. 189–205; Savin A.II. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой операции» НКВД // Сталинизм в советской провинции. Массовая операция на основе приказа № 00447. /Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 303–342.*

¹²¹ *Babernski, Jörg. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 756–757.*

¹²² По результатам переписи 56,7% населения старше 16 лет (55,3 млн. человек) заявили о своей принадлежности к тому или иному вероисповеданию. Из общего количества верующих 392393 человека (0,7%) заявили о своей принадлежности к христианским сектам. Эта группа обозначена В.Б. Жиромской как «христиане прочих направлений». Исследовательница утверждает, что, как правило, именно «сектанты» отказывались как-либо отвечать на вопрос о религии, мотивируя отказ тем, что они ответственны только перед Богом. В качестве примера ей приводится факт отказа участвовать в переписи 200 человек, принадлежавших к общине евангельских христиан. Поэтому с полным основанием можно предположить, что количество евангельских верующих было большим, чем зафиксировала перепись. См.: *Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 191, 194, 206. Интерпретацию результатов переписи см: Freeze Gregory L. The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. Muenchen, 1998. S. 229–230.*

В сложившейся ситуации власти вновь стали расценивать неопротестантские церкви как наиболее опасные из-за возможности в силу особенностей вероисповедания отправлять культ без наличия церковной организации и рукоположенных священнослужителей, не взирая на отсутствие официальной регистрации. Существенно укрепило общины возращение из заключения верующих, осужденных в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Широкое распространение получили так называемые «домовые церкви», которые, как правило, функционировали нелегально.

То, что именно «сектантам» предстояло стать одной из жертв «Большого террора», подтверждают материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. Направленность обсуждения на пленуме была задана докладом А.А. Жданова о задачах партийных организаций в связи с предстоящими выборами. Призвав партийные организации «быть готовыми к избирательной борьбе», Жданов назвал и потенциальных противников, готовых активно использовать представившиеся «легальные возможности» — «шопы всех рангов и мастей»¹²³. Тема была поддержана и развита в выступлениях ряда партийных функционеров. Особенно акцентировал внимание И.В. Сталина на «сектантской проблеме» видный чекист, секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов¹²⁴. Подвергнутый критике руководитель СВБ Ем. Ярославский также призвал не ослаблять борьбу с религиозными организациями, которые «представляют собой организацию для подготовки антисоветских выборов по всей стране». По данным Ем. Ярославского, на тот момент существовало около 39 тыс. зарегистрированных общин и групп, объединявших около миллиона только «религиозного актива», а также несколько тысяч «сектантских организаций, не зарегистрированных, подпольных, тайных»¹²⁵. Последние, по мнению Ем. Ярославского, были особенно опасны, так как «они собирают в этом религиозном подполье самых оголтелых людей, устраивают антисоветские организации»¹²⁶.

27 марта 1937 г. последовал циркуляр НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы по «церковникам и сектантам». В полном соответствии с духом только что окончившегося пленума ЦК ВКП(б), в преамбуле документа утверждалось, что «церковники и сектанты» активизировались в связи с принятием новой Конституции и ведут подготовку к выборам в советы, «ставя своей задачей проникновение в низовые советские органы». Органам НКВД предписывались меры, направленные на «выявление и быстрый разгром организующих очагов нелегальной работы церковников и сектантов», в первую очередь — на внесение раскола в церковные общины, ослабление материальной базы церкви, затруднение участия в выборах и т.д.¹²⁷

¹²³ Вопросы истории. 1993. № 5. С. 4–5.

¹²⁴ Вопросы истории. 1993. № 7. С. 10. По данным, приведенным Й. Баберовским, за репрессии в отношении евангелистов и баптистов выступил также Л.М. Каганович. См.: *Babernski, J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus.* Deutsche Verlags-Anstalt, München. 2003. S. 188.

¹²⁵ Вопросы истории. 1993. № 5. С. 14. Газета «Правда» приводила в сентябре 1937 г. другую цифру — 30 тыс. религиозных общин. См.: Советская Сибирь. 1937. 15 сент.

¹²⁶ Вопросы истории. 1993. № 5. С. 15.

¹²⁷ См.: Электронный ресурс: *Охотин Н.Г., Рогинский А.Б.* «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. Режим доступа: www.memo.ru. Документ не публиковался. Содержание по меньшей мере преамбулы циркуляра НКВД СССР можно реконструировать на основании «Материалов об организованной деятельности церковно-сектантской контрреволюции» от 25 апреля 1937 г., подготовленных НКВД УССР и, очевидно, в своей основе базировавшихся на циркуляре центра. В частности в документе говорилось: «После утверждения Сталинской Конституции в стране оживилась деятельность духовенства, церковников и сектантов, направленная к поднятию религиозной активности населения, и в предстоящей избирательной кампании, они несомненно попытаются добиться своих позиций в Советах. Имеющиеся в стране 39.000 легальных зарегистрированных церковных организаций, составляющие около миллиона церковного актива, представляют готовые формирования для антисоветской деятельности, особенно во время избирательной кампании. Всесоюзная перепись насе-

В пользу предположения, что выделение «сектантов» в особую целевую группу террора было инициативой высших функционеров партии, свидетельствует также записка, направленная 20 мая 1937 г. Г.М. Маленковым¹²⁸ И.В. Сталину. Речь в ней шла об отмене постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., регулировавшего церковно-государственные отношения¹²⁹. По мнению Маленкова, постановление сыграло негативную роль «в создании организационной основы для оформления наиболее активной части церковников и сектантов». Указывая на положение декрета, согласно которому для регистрации религиозного общества необходимо было заявление 20 учредителей, Маленков писал: «Как видим, уже сам порядок регистрации требует организационного оформления двадцати наиболее активных церковников. В деревне эти люди широко известны под названием «двадцатки». На Украине для регистрации религиозного общества требуется не двадцать, а пятьдесят учредителей [...]. Считаю целесообразным отменить этот декрет, содействующий организованности церковников. Мне кажется, что надо ликвидировать „двадцатки“ и установить такой порядок регистрации религиозных обществ, который не оформлял бы наиболее активных церковников. Точно так же следует покончить, в том виде, как они сложились, с органами управления церковников». В заключении записки Маленков еще раз подчеркивал, что «Декретом мы сами создали широко разветвленную, враждебную советской власти, легальную организацию. Всего по СССР лиц, входящих в «двадцатки», насчитывается около шестисот тысяч»¹³⁰.

ния нам показала, что церковники сектанты способны оказывать большое влияние на население. Во многих местах под влиянием к-р агитации попов, проповедников и проч. церковного элемента, значительная часть населения записывалась верующими». За предоставленный документ автор благодарен др. М. Юнге.

¹²⁸ Для интерпретации этого документа важна номенклатурная позиция, занимая в тот момент Г.М. Маленковым — зав. отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). В компетенцию Маленкова входило в том числе курирование НКВД. Можно предположить, что Маленков в данном случае озвучивал инициативу руководства НКВД.

¹²⁹ Первое упоминание об этой записке см.: *Одинцов М.И.* Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 7. С. 57; См. также: Записка П.А. Красикова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 августа 1937 г. по вопросу об отмене постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // РГАСПИ, Ф. 78, оп. 7, д. 209, л. 10–14. РГАСПИ, Ф. 78, оп. 7, д. 209, л. 10–14. Цит. текст записки по: *Иезумен Дамаскин (Орловский)*. Гонения на Русскую Православную церковь в советский период [Электронный ресурс] // www.fond.ru/reutov/reutov_1/reutov_1-2.htm. Ссылка автором дается на: АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 5, л. 34–35. Ежов — л. 36–37.

¹³⁰ С запиской были ознакомлены члены и кандидаты Политбюро Андреев, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Коспюр, Микоян, Молотов, Петровский, Постышев, Чубарь, Эйхе. Сугубо положительное отношение к инициативе Маленкова высказал Н.И. Ежов, указав, что «Из практики борьбы с церковной контрреволюцией в прошлые годы и в настоящее время нам известны многочисленные факты, когда антисоветский церковный актив использует в интересах проводимой антисоветской работы легально существующие „церковные двадцатки“, как готовые организационные формы и как прикрытие». Вместе с постановлением от 8 апреля 1929 г. Ежов предлагал отменить также инструкции Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах», которая, по его мнению, ставила «религиозные объединения на положение едва ли не равное с советскими общественными организациями, в частности, имею в виду пункты 16 и 27 инструкции, которыми допускаются религиозные уличные шествия и церемонии, и созыв религиозных съездов». Цит. по: *Иезумен Дамаскин (Орловский)*. Гонения на Русскую Православную церковь в советский период [Электронный ресурс] // www.fond.ru/reutov/reutov_1/reutov_1-2.htm. Ссылка на документ автором дается на: АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 5, л. 36–37. Несмотря на столь однозначную позицию Ежова и Маленкова, Сталин принял решение передать вопрос на обсуждение П.А. Красикову и М.И. Калинин, оба высказали негативное отношение к инициативе Маленкова. Красиков в качестве главного аргумента 16 августа 1937 г. привел соображение о том, что благодаря имеющемуся законодательству церковные активисты действуют под контролем, а не в подполье, «что всегда хуже, когда имеешь дело с религией. Перетябы и форсирование «ликвидации религии» привели, по его мнению к тому, что «во многих местностях союза

Об этом же свидетельствует то внимание, которое было уделено «сектантам» уже в ходе самой операции. Так, 2 августа 1937 г. И.В. Сталин шифровкой проинформировал А.А. Андреева, посланного с карательной миссией в республику Немцев Поволжья, о том, что ЦК ВКП(б) санкционировало «изъятие главарей сектантской немецкой группы бетбрудеровцев»¹³¹. Упоминание о необходимости репрессировать дополнительное количество «сектантов» регулярно встречается в ходатайствах с мест в центр об увеличении лимитов по «кулацкой операции». Партийные функционеры на пленуме ЦК ВКП(б) 11–12 октября 1937 г. также убедительно продемонстрировали, кого они считают наиболее опасными врагами в связи с предстоящими выборами. Выступления секретарей обкомов в основном были посвящены вылазкам врагов народа, возглавляемых «церковниками» и «сектантами»¹³². Оценивая их выступления на пленуме, необходимо учитывать, что все первые секретари были членами «троек», а значит были прекрасно осведомлены о размахе репрессий НКВД против верующих.

Как и в случае с февральско-мартовским пленумом, руководство НКВД СССР оперативно отреагировало на октябрьский 1937 г. пленум очередной специальной директивой о борьбе с «церковниками и сектантами». В частности, документ требовал от исполнителей на местах «в ближайшие дни обеспечить оперативный разгром церковного и сектантского контрреволюционного актива, подвергнув аресту всех участников шпионских, повстанческих и террористических формирований, в том числе пытающихся вести подрывную работу в связи с выборами в Верховный Совет СССР»¹³³. Повторное специальное акцентирование местных управлений НКВД на «разгроме» верующих наглядно свидетельствует о важности, которую центр придавал данной акции.

Особого внимания заслуживает «Спецсообщение о церковниках и сектантах», направленное Ежовым Сталину в конце ноября 1937 г., в котором подводятся первые суммарные итоги «кулацкой операции» в отношении церкви¹³⁴. Предыстория появления этого документа такова: 13 ноября 1937 г. Л. З. Мехлис переадресовал Сталину письмо бывшего редактора газеты «Звезда», в котором речь шла о влиянии церкви в Белоруссии. Лапидарная резолюция вождя гласила: «Г. Ежову. Надо бы поприжать господ церковников». Народный комиссар внутренних дел СССР отреагировал незамедлительно. 15 ноября 1937 г., выполняя его указание, начальник СПО ГУГБ НКВД СССР разослал на места шифротелеграмму, в которой требовал в течение суток представить материалы о репрессиях в отношении церковников и сектантов за август–ноябрь 1937 г.¹³⁵ На основании поступивших с мест данных был оперативно подготовлен документ, во многом проливающий свет на намерения московского центра в отношении решения «религиозного вопроса»¹³⁶.

загоняли в подполье и секты немалое количество верующих и делали их враждебными или контрреволюционерами». В результате постановление от 8 апреля 1929 г. осталось в силе. См.: РГАСПИ, Ф. 78, оп. 7, л. 209, л. 12.

¹³¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 297. «Betbrüder», бетбрудереры, дословно «молящиеся братья», были последователями pietизма, религиозного движения в протестантизме, возникшего в конце XVII века в Германии и близкого к баптизму.

¹³² Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 480–484.

¹³³ Сообщившие эту информацию А. Б. Рогинский и Н. Г. Охотин датировали документ 12 октября — 5 ноября 1937 г. См.: Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.memo.ru.

¹³⁴ Документ опубликован: Хаустов В., Самуэльсон А. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2008. С. 407–414. К сожалению, публикаторами не предпринята попытка более точной датировки документа, а также не указано, какая часть спецсообщения не опубликована, хотя в заголовке документа стоит «Из спецсообщения...».

¹³⁵ Хаустов В., Самуэльсон А. Сталин, НКВД и репрессии. С. 272.

¹³⁶ О том, как реагировали места на распоряжение Москвы, свидетельствует директива народного

В его преамбуле сообщалось, что «по этим элементам нанесен значительный оперативный удар», за четыре месяца осуществления «кулацкой операции» было арестовано 31 359 «церковников и сектантов»¹³⁷, в том числе 166 митрополитов и епископов, 9 116 священников, 2 173 монаха, а также 19 904 человека, которых чекисты отнесли к «церковно-сектантскому кулацкому активу». Из них к ВМН было осуждено 13 671 чел., в том числе 81 епископ, 4 629 «попов», 934 монаха и 7 004 чел. «церковно-сектантского кулацкого актива». Таким образом, количество казненных «религиозников» составило 43,6%, что немного меньше традиционного для «кулацкой» операции соотношения казненных и осужденных к ИТЛ, которое историки оценивают как 1:1.

По заверению Ежова, удар наносился исключительно «по организующему и руководящему активу церковников и сектантов», что привело к практически полной ликвидации епископата православной церкви, а сокращение примерно в два раза «количества попов и проповедников» — «к дальнейшему разложению церкви и сектантов». Названные Ежовым цифры «религиозников», оставшихся на свободе, свидетельствовали, с одной стороны, об объеме колоссальной репрессивной деятельности, уже проделанной НКВД, с другой — о том, какую работу предстояло выполнить чекистам: по неполным данным, на оперативном учете находилось еще 9.570 «попов» и свыше 2.000 сектантских проповедников¹³⁸. Приведя многочисленные факты попыток создания «церковно-сектантским религиозным активом всех религиозных течений» единого антисоветского фронта, Ежов в завершении документа сообщал вождю о том, что управлениям НКВД 17 областей, проявившим недостаточную рьяность, даны специальные указания «о немедленной ликвидации всех церковно-сектантских контрреволюционных формирований»¹³⁹.

Из статистического отчета о работе органов НКВД СССР за 1937–1938 гг. известны общие цифры «церковников и сектантов», репрессированных в ходе операции по приказу № 00447: 37.331 чел. за 1937 г. и 13.438 — за 1938 г., всего 50.769 чел.¹⁴⁰ Если принять количество «церковников и сектантов», арестованных за декабрь 1937 г., за 5.972 чел. (37.331–31.359) и приплюсовать его к числу «религиозников», репрессированных в 1938 г. — 13.438, то получим цифру 19.410 чел. Таким образом, к концу массовой операции органы НКВД репрессировали всех 11.570 «церковников и сектантов» (9.570+2.000), находившихся на оперативном учете по данным на конец ноября 1937 г., и еще чекистами было до-

комиссара внутренних дел Украины И. Леплевского от 17 ноября 1937 г. Он потребовал от всех начальников УНКВД в течение 24 часов сообщить: «1) количество арестованных церковников и отдельно сектантов за период август-ноябрь [с] подразделением по группам — епископов, попов, монахов, церковного актива, сектантских проповедников; 2) количество осужденных церковников и отдельно сектантов [с] указанием меры наказания [по] тем же группам; 3) количество попов и сектантских проповедников в области по отдельным ориентациям; 4) количество церквей действующих и отдельно бездействующих, формально не закрытых [по] отдельным течениям». Документ опубликован: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украине 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

¹³⁷ Общая цифра репрессированных «церковников и сектантов» за 1937 г. составила, по данным НКВД СССР, 37 331 чел.

¹³⁸ Если верить утверждению Ежова о сокращении примерно вдвое количества «попов» и «сектантов», то данные о 2 000 сектантских проповедниках, еще остававшихся на свободе, косвенно свидетельствуют о масштабе репрессий в отношении руководства евангельских церквей за август-ноябрь 1937 г. — также около 2 000 чел.

¹³⁹ Хаустов В., Самуэльсон А. Сталин, НКВД и репрессии. С. 414.

¹⁴⁰ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 172; Binner R., Junge M. Vernichtung der orthodoxen Geistlichen im der Sowjetunion in den Massenoperationen des Großen Terrors 1937–1938 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 52, 2004. Н. 4. S. 523. Эти же цифры приводятся О. Б. Мозохиним. См.: Мозохин О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2006. С. 337, 341.

полнительно «довывявлено» почти 8.000 «религиозников». Последние уже не состояли а оперативном учете, т.е. были арестованы «по выходам» и «связям»¹⁴¹. В относительных цифрах верующие всех конфессий — священнослужители и актив общин — составили около 6,6 % от жерты «кулацкой операции».

Интересно сравнить эти цифры с данными Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР¹⁴². По ее сведениям, на 1 января 1936 г., «зарегистрированного духовенства насчитывается 24.146 чел.¹⁴³ и актива, состоящего из религиозных обществ т. наз. двадцаток и пятидесяток (УССР, БССР — 50-тки, а в остальных местах — 20-тки) — 610.860, а всего — 635.000»¹⁴⁴. Даже если учесть, что число действующих священнослужителей было немного большим¹⁴⁵, а также то, что в ходе операции по приказу № 00447 в массовом порядке репрессировались священники, имевшие на момент ареста статус «без определенных занятий» или отрекшиеся от сана и работавшие в народном хозяйстве, все равно следует, что в ходе «кулацкой» операции было уничтожено подавляющее большинство действующих священнослужителей, а также наиболее активная часть церковного и «сектантского» актива, в первую очередь председатели, секретари и казначеи церковных советов. Исходя из этих цифр, религиозный вопрос в СССР был фактически решен или близок к решению¹⁴⁶.

«Антисектантская» акция — Западная Сибирь

Не вызывает сомнения, что партийные функционеры, уяснив, что верующие являются одними из наиболее опасных противников на выборах в Верховный Совет СССР, и вернувшись с февральско-мартовского пленума 1937 г., предприняли соответствующие действия. В Западной Сибири гонения на верующих развернулись с новой силой. Во второй половине апреля УНКВД по ЗСК провело массовые аресты евангельских верующих. 14 апреля 1937 г. был арестован краевой уполномоченный евангельских христиан О.И. Кухман. Сотрудники СПО УНКВД по ЗСК добивались от него признания о контрреволюционной деятельности сектантских общин и сотрудничестве с немецким

¹⁴¹ Как и в случае с другими целевыми группами операции, первичные аресты священнослужителей вызвали цепную реакцию, в поле зрения органов попали близкие, друзья и знакомые репрессированных. Сработал механизм, описанный начальником Томского ГО УНКВД по ЗСК И.В. Овчинниковым: «В период массовой операции агентурная работа была поставлена на второй план [...] размах операции и огромная волна заявлений в ГО давали несравненно больше, чем самая идеальная агентурная работа». Цит. по: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было. Западная Сибирь в конце 20-х — начале 50-х годов. Томск, 1995. С. 89.

¹⁴² Записка Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР к докладу о положении конфессий на заседании партгруппы Президиума ЦИК СССР. Не позднее 14 февраля 1937 г. // ГАРФ, ф. 1235, оп. 141, д. 2021, л. 7–10.

¹⁴³ Как следует из секретной докладной записке «О состоянии религиозных организаций в СССР, отношении их к проекту новой конституции, работе комиссии культов ЦИК СССР и практике проведения законодательства о религиозных культах (сост[авленной] по материалам комиссии с 1.01. по 1.09.1936 г.)», в которой руководство комиссии оперирует теми же данными, что и в цитируемой здесь записке и которая представляет из себя ее расширенный вариант, в эту цифру не входили данные о количестве служителей культа в Западно-Сибирском крае, Оренбургской, Омской и Челябинской областях, Казахской и Бурят-Монгольской АССР. См. ГАРФ, ф. 1235, оп. 141, д. 2021, л. 28–60 а.

¹⁴⁴ Приведена округленная цифра.

¹⁴⁵ Так, по данным комиссии по культам при Западно-Сибирском крайисполкоме, общее количество зарегистрированных служителей культов по 100 районам края (в состав края входило более 200 районов) составляло на 1 января 1936 г. 377 чел. См. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. Сост. А.И. Савин. С. 312–313.

¹⁴⁶ К 1939 г. весь правящий епископат РПЦ состоял из двух митрополитов — Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского) и двух архиепископов — Сергия (Воскресенского) и Николая (Ярушевича). См. Постеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 143.

консульством в Новосибирске. Вслед за арестом Кухмана и в связи с фабрикацией дела о диверсионной организации среди сектантов Сибири во второй половине апреля последовали аресты верующих в городах Кемерово, Прокопьевске, Сталинске, р.п. Болотное. Всего же в 1937 г. по делу «шпионско-диверсионной организации среди сектантов Сибкрая» согласно отчету Управления НКВД по Новосибирской области были репрессированы 793 человека¹⁴⁷.

В число участников организации чекистами были включены верующие, репрессированные также в других местах Западно-Сибирского края. Одной из важных составляющих «дела Кухмана» стало дело членов «фашистской шпионской повстанческой организации», якобы действовавшей среди немцев Купинского и Чистоозерного районов Новосибирской области. С немецкими баптистами О.И. Кухман был связан по делам веры, а в 1936 г. лично приезжал в районы для чтения проповедей. В результате немецкие баптисты стали одной из узловых фигур схемы НКВД, выступив дополнительным связующим звеном О.И. Кухмана с немецкой разведкой¹⁴⁸.

Жесткую позицию в отношении верующих заняло партийно-чекистское руководство Омской области. Выступая в марте 1937 г. на пленуме Омского обкома ВКП(б), секретарь обкома Д.А. Булатов заявил: «Особую активность классовый враг проявляет через служителей религиозных культов, через сектантов, в отдельных случаях успешно спекулируя на убеждениях слабо охваченных нами политической жизнью малограмотных и религиозных людей... Духовенство, сектанты — это тоже контрреволюционные элементы. По нашему подсчету, у нас в области имеется [...] сектантских общин 26, вокруг них организовано свыше 1000 сектантов»¹⁴⁹. На прошедшей в начале июня 1937 г. 2-й областной партийной конференции тема о необходимости принятия срочных репрессивных мер в отношении верующих вновь была в центре обсуждения. Указав на то, что для многих райкомов ВКП(б) «вылазки враждебных элементов оказались неожиданными», Д.А. Булатов потребовал добить «остатки поповско-сектантского мракобесия», мобилизовав трудящихся на «вскрытие врагов народа, прикрывающихся личиной верующих»¹⁵⁰. Начальник Омского управления НКВД Э.П. Сальня в своем выступлении сообщил делегатам конференции об аресте в течение прошедшего года 81 «церковника» и 25 «руководителей различных сект». Кроме того, чекистами были «вскрыты» две крупные баптистские повстанческие организации, действовавшие в Омске. От руководителя одной из них, Гинса¹⁵¹, чекисты получили признательное показание о том, что немецкая разведка «ставила своей задачей использовать в случае войны эти баптистские ячейки». В завершении своего выступления начальник УНКВД по Омской области подверг резкой критике районные партийные организации, которые «делают вид, что совершенно ничего не знают как о наших арестах, так и о той контрреволюционной активности, которая присуща сейчас работе религиозников и сектантов»¹⁵². Но эти акции НКВД послужили только прелюдией к массовым репрессиям против евангельских верующих в Сибири.

Даже в сравнении с православным клиром «сектанты» представляли для органов НКВД континент, в отношении которого проведение и бюрократическое оформление

¹⁴⁷ Платков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 220.

¹⁴⁸ Белковец А.П. «Большой террор и судьбы немецкой деревни. С. 271–276.

¹⁴⁹ Цит. по: Самоулов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1938. Омск, 1998. С. 27; ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 3. Д. 17. Л. 33–34.

¹⁵⁰ Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. / Сост. А.И. Савин. Новосибирск; СПб., 2004. С. 324.

¹⁵¹ Так фамилия указана в стенограмме выступления Сальни. По всей видимости речь идет об Адольфе Карловиче Гинце, немце, учителе, жителе с. Ребровка Омского района Омской области. Арестован 25 января 1937 г. Приговорен к ВМН по ст. 58–4–10–11 УК РСФСР 8 декабря 1937 г. Расстрелян.

¹⁵² Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920–1941 гг. С. 324–325.

карательной акции происходили без каких-либо особых трудностей. Этому способствовал ряд следующих факторов. Во-первых пресвитеры, проповедники и активисты общин как правило находились на оперативном учете, в их отношении велись агентурные разработки, производилась перлюстрация переписки, в результате чего у органов НКВД имелись на них компрометирующие материалы, что и объясняет массовые аресты «сектантов» как в подготовительный период, так и в первые недели проведения операции. К сожалению, как протоколы тройки УНКВД по ЗСК, так и протоколы тройки УНКВД по Омской области продолжают оставаться недоступными для исследователей¹⁵³, а тройка УНКВД по Алтайскому краю начала работать только в конце октября 1937 г., но и те данные, которыми располагает автор, свидетельствуют о массовых арестах руководства и активистов общин на территории Сибири в предоперационный период и в первые недели операции.

Во-вторых, значительное количество «сектантов» уже было в той или иной степени стигматизировано: подавляющее большинство пресвитеров и проповедников были лишены избирательных прав, значительная часть верующих была ранее осуждена, выслана либо раскулачена.

В-третьих, сам стиль религиозной жизни евангельских верующих существенно облегчал задачи следователей НКВД. Они регулярно встречались между собой на молитвенные собрания, а так как подавляющее большинство общин не было официально зарегистрировано, собрания легко квалифицировались как нелегальные. Обвинения в нелегальных собраниях на частных квартирах стало одним из самых распространенных в ходе массовой операции. Практиковались регулярные выезды проповедников и пресвитеров в соседние общины, в том числе с целью проведения «нелегальных» крещений, а рядовые члены общин при поездках в другие населенные пункты предпочитали останавливаться у «братьев» и «сестер», нередко принимая участие в религиозных мероприятиях местной общины. Эти контакты, которые квалифицировались как вербовка, давали возможность чекистам формировать групповые дела, подтверждая версию о существовании всеобщего «сектантского» заговора.

В-четвертых, «сектанты» в ходе следствия, как правило, не отрицали свою принадлежность к церкви, подтверждая участие в молитвенных собраниях и совместных чтениях Библии, что уже было достаточным основанием для вынесения обвинения¹⁵⁴. В ряде случаев в открытом поведении верующих на следствии сыграло свою роль стремление «пострадать за веру» в то время, когда столько невинных людей обрекается на смерть и муки лагерного заключения. В результате в ходе частичной реабилитации жертв «Большого террора» в 1939–1940 гг. у прокуратуры не было никаких оснований для пересмотра дел в отношении явных «антисоветчиков», приговоры троек оставались в силе.

Все вышеперечисленные факторы существенно повышали виктимность «сектантов» как целевой группы операции, предопределив размах репрессий и высокое количество смертных приговоров. В Западно-Сибирском крае¹⁵⁵ по нашим осторожным оценкам, основывающимся на доступных источниках, их было репрессировано около 1100 человек¹⁵⁶. Эта цифра складывается из числа лиц, репрессированных по делу «сектантской»

¹⁵³ Тем не менее достаточно подробная информация о работе тройки содержится в монографии В.М. Самосудова.

¹⁵⁴ Зато достаточно часто верующие, по версии следствия проходившие по делу как пресвитеры или проповедники, утверждали, что являются рядовыми членами общины. Здесь сыграли свою роль как очевидные трудности с рукоположением пресвитеров в 1930-е годы, в результате чего общинами зачастую руководили наиболее активные из «братьев», так и стремление сотрудников НКВД повысить статус осужденного и, тем самым, самого дела.

¹⁵⁵ Соответственно с октября 1937 г. — в Новосибирской области и Алтайском крае.

¹⁵⁶ Однако она нуждается в дальнейших уточнениях, т.к. имеются только отрывочные данные о количестве верующих, репрессированных тройкой УНКВД по ЗСК и соответственно по Новосибир-

организации О.И. Кухмана (793 чел.) и количества евангельских верующих, осужденных тройкой УНКВД по Алтайскому краю с 30 октября 1937 по 15 марта 1938 г. (294 чел.).

В эту последнюю цифру нами были включены только те меннониты, осужденные тройкой УНКВД по Алтайскому краю, в отношении которых в протоколах тройки имеются однозначные указания на принадлежность к проповедникам или к активу меннонитских общин. В их отношении несомненно можно утверждать, что они были репрессированы как «сектанты», в составе одной из главных целевых групп «кулацкой» операции. Таковых с 31 октября 1937 г. по 29 декабря 1937 г. было осуждено 11 чел. (10 проповедников и один бывший руководитель религиозного хора)¹⁵⁷. В марте 1938 г. меннониты по протоколам тройки не проходили¹⁵⁸.

Вот типичный пример репрессий в отношении меннонитских проповедников в ходе «кулацкой» операции. 31 октября 1937 г. тройка УНКВД по Алтайскому краю рассмотрела дело № 35543, представленное на тройку Андреевским РО НКВД, по которому проходили три проповедника, жители деревень Антоновка и Шенфельд. И.К. Петерс, 1868 г.р., кулак, в 1929 г. был осужден по ст. 61 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, якобы организовал в пос. Антоновка к-р. фашистскую группу, в которую завербовал кулаков-проповедников Л.Г. Крангарда (1894 г.р.) и Ф.Ф. Гейгера (1895 г.р.). Криминал последних состоял в том, что Крангард предоставлял свою квартиру для нелегальных религиозных собраний, а Гейгер агитировал за переселение на Украину, чтобы в случае начала военных действий оказаться на территории, оккупированной Германией. В отношении всех трех проповедников был вынесен приговор к ВМН¹⁵⁹.

Публикуемые нами в настоящем сборнике документы из дел в отношении двух групп меннонитов¹⁶⁰, являются типичными образчиками дел «кулацкой операции» в том смысле, что все осужденные по нему лица относились к целевым группам приказа № 00447: они были бывшими кулаками, проповедниками, участниками эмиграционного движения, ряд проходивших по делу лиц был осужден уже в период коллективизации, их семьи высланы в Нарым. Таким образом, карательные действия в их отношении проводились органами НКВД совершенно осознанно, и в данном случае не может идти речи об эксцессивном

ской области в ходе массовых операций. Так, можно предположить, что не все евангельские верующие, репрессированных в 1937 г. в ЗСК, были осуждены в рамках дела О.И. Кухмана. Как следует из справки за подписью начальника оперсектора УНКВД по ЗСК лейтенанта госбезопасности А. Колчина от 4 октября 1937 г., «в процессе операции по репрессированию кулацких элементов» из «вскрытых» чекистами в период с августа по начало октября 1937 г. 207 контрреволюционных групп с общим количеством участников 3.493 человека. 10 групп в составе 154 человек были отнесены к «церковно-сектантским». Всего же за этот период тройкой в крае было осуждено 12.201 человек, из них «сектанты-пресвитеры и проповедники сект» составили 167 человек. Возможно евангельские верующие были также среди 450 священнослужителей, репрессированных на это же время по «эсеро-ровсовскому заговору». См. ГАНУ, ф.п. 4, оп. 34, д. 26, л. 4, 5–6.

¹⁵⁷ Подсчет наш. 29 декабря 1937 г. тройкой УНКВД по Алтайскому краю на одном заседании, в рамках одного дела, т.н. дела Эрбиса, было осуждено к ВМН 298 немцев и меннонитов, аресты которых состоялись во второй половине декабря 1937 г. в ходе так называемой Славгородской операции УНКВД по АК. Массовость арестов, быстрота следствия и brutality приговора, а также то, что операцию проводили сотрудники КРО УНКВД, позволяет утверждать, что эта операция была однозначно проведена в рамках «немецкой» операции НКВД. См. Этноконфессия в советском государстве. С. 469–478.

¹⁵⁸ См.: Этноконфессия в советском государстве. С. 214–219. В январе — феврале 1938 г. тройка УНКВД по Алтайскому краю бездействовала. 15 марта 1938 г. — последний день осуждения краевой тройкой жертв кулацкой операции.

¹⁵⁹ См.: Этноконфессия в советском государстве. С. 215–216; протокол № 2/4-к заседания тройки УНКВД по Алткраю от 31 октября 1937 г. ОСД УАДАК, ф.р. 2, оп. 5, л. 17. л. 19–20.

¹⁶⁰ См. документы №№ 360–368, 370, 371–374.

или слепом терроре. Стандартная фальсификация следствия заключалась в объединении обвиняемых в мифическую подрывную организацию, а также в криминализации их контактов с консулом Германии в Новосибирске Г. Гросскопфом и получения «титлеровской помощи», в результате чего материальная помощь, оказанная немецкой стороной, квалифицировалась как вербовка агентыры.

Всего, по нашим подсчетам, на территории Алтайского края с июля по декабрь 1937 г. было арестовано 229 меннонитов, причем меньшая часть — в рамках «кулацкой» операции, а большинство из них — уже в рамках «немецкой операции» НКВД (188 чел. за ноябрь-декабрь 1937 г.). Тем не менее несомненно, что подавляющее большинство «рядовых» репрессированных меннонитов были членами легальных или нелегальных религиозных общин и групп, что несомненно послужило как одной из причин ареста, так и обоснованием для осуждения в рамках обонх операций, хотя это и не всегда нашло свое отражение в протоколах тройки.

Таблица 1. Репрессии в отношении немцев Алтая в 1937 г.

Месяц	Арестовано						Осуждено						Итого осуждено
	Муж.		Жен.		В том числе меннонитов****	Из Кулундинского р-на***	Тройками		Особ. совещанием		Другими инстанциями*		
	До 1913 г.р. вкл.	После 1913 г.р.	До 1913 г.р. вкл.	После 1913 г.р.			ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	
01	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
02	5	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-
03	8	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-
04	8	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-
05	7	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
06	14	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
07	55	2	-	-	21	5	4	1	-	-	-	-	5
08	12	-	1	-	5	-	29	2	-	-	-	-	31
09	16	-	-	-	5	-	43	5	-	-	-	-	48
10	21	-	1	-	10	-	22	3	1	-	2**	-	28
11	56	-	1	-	23	4	49	2	1	-	-	2	54
12	283	27	2	-	165	21	298	1	6	-	4	2	311
Итого	485	30	6	-	245	30	445	14	8	-	6	4	477
В том числе в ходе операции № 00447 (июль — октябрь 1937 г.)	104	2	2	-	41	5	98	11	1	-	2	-	112

*Осужденные Особой комиссией при НКВД СССР, ВТ СибВО, Алтайским краевым судом.

** Тройкой по НСО

*** Данные по Кулундинскому (Ново-Киевскому) району приведены в интересах исследования, так как проведение операции по «немецкой» линии в этом районе лучше всего освещено в архивно-следственных делах ОСД УАДАК по причине ареста в 1939 г. руководства Кулундинского РО НКВД по обвинению в перегибах при проведении «немецкой» операции.

**** Кол-во арестованных меннонитов устанавливалось по характерным фамилиям и местам прожи-

ванья.

Итого за 1937 г. в Алтайском крае (до октября 1937 г. — на его территории в составе ЗСК) был арестован 521 немец¹⁶¹. Осуждено в 1937 г. различными органами, главным образом тройкой УНКВД по ЗСК и тройкой УНКВД по Алтайскому краю, 477 человек. Остальные из арестованных в 1937 г. немцев (39 чел.) были осуждены в 1938 г. Особым совещанием, Военной коллегией Верховного суда СССР и Алтайским краевым судом. Еще три чел. были после длительного следствия осуждены в 1939–1941 гг., двое немцев — высланы из пределов СССР в 1939–1940 гг. Освобождений арестованных в 1937 г. в мартирологе не зафиксировано.

Статистика совершенно очевидно свидетельствует, что до июля 1937 г. — так называемого предоперационного периода, репрессии в отношении немцев не выходили за рамки «обычного» уровня. В июле происходит закономерный резкий рост арестов немцев, находившихся на оперативном учете органов. В августе — октябре на территории будущего Алтайского края уровень арестов стабилизируется, за эти три месяца было арестовано примерно столько же, сколько за июль 1937 г. Всего за июль — октябрь 1937 г. было арестовано чуть больше 100 немцев. Это свидетельствует о том, что свою задачу «чистки» немецкого населения в рамках «кулацкой» операции по приказу № 00447 органы УНКВД по Алтайскому краю считали в основном выполненной и добирали «фигурантов» по «выходам», т. е. по информации, которую получали в результате допросов первой группы арестованных.

Но уже в ноябре происходит резкая активизация арестов, за решетку попадает столько же немцев, сколько в июле 1937 г. Масштаб арестов, а также то, что подавляющее большинство арестов было осуществлено в два дня — 6 и 9 ноября¹⁶² — недвусмысленно демонстрирует связь всплеска репрессивной активности алтайских чекистов и телеграммы Н.И. Ежова от 3 ноября 1937 г., разосланной всем наркомам внутренних дел союзных республик и начальникам УНКВД, в которой требовалось «форсировать проведение операций антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины» и закончить проведение этих операций к 10 декабря 1937 г. Таким образом 6–9 ноября можно рассматривать как начало проведения операции по «немецкой» линии в Алтайском крае, которая с этого момента шла в регионе параллельно с «кулацкой» операцией¹⁶³.

Основываясь на далеко не полных данных, опубликованных В.М. Самосудовым, можно с уверенностью утверждать, что тройка УНКВД по Омской области репрессировала с августа по декабрь 1937 г. около 250 верующих только как членов «специализированных сектантских группировок». Общее же число репрессированных баптистов, евангельских

¹⁶¹ Расхождение с данными Книги памяти по Алтайскому краю (540 репрессированных лиц немецкой национальности) объясняется возможными статистическими погрешностями в подсчетах, а также тем, что при нашем подсчете не были учтены лица немецкой национальности, чьи фамилии приведены в мартирологе, но они были арестованы и осуждены на территории других административных субъектов — такие, как группа немцев-военнослужащих 73-й стр. дивизии, арестованных и осужденных в Омске. В любом случае возможные минимальные погрешности в нашем подсчете не являются критическими. Корректность нашего подсчета также подтверждается полученной при подсчете цифрой осужденных тройкой по Алтайскому краю в декабре 1937 г. к ВМН — 298 человек. Именно столько было приговорено тройкой при УНКВД по Алтайскому краю к расстрелу 29 декабря 1937 г. по «Славгородскому делу».

¹⁶² Установлено по датам арестов, приведенных в Книге памяти.

¹⁶³ «Кулацкая» операция была завершена в Алтайском крае в марте 1938 г. Протоколы тройки за сентябрь — ноябрь 1938 г. содержат сведения о проведении операции по «национальным линиям». Всего в Алтайском крае, по данным Книги памяти, за 1937 г. было осуждено 14183 человека, за 1938 г. — 7274 человека. См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул, 2000. т. 3, ч. 2. С. 430; т. 4, 2002. С. 661.

христиан, адвентистов, молокан и меннонитов в Омской области было большим, так как многие верующие упоминаются в протоколах тройки в составе групп «церковников», без указания конфессиональной принадлежности.

В таблице № 2 приведены статистические данные о ходе репрессий в отношении немцев в Омской области, также полученные нами на основании фронтального просмотра Омского мартиролога.

Таблица 2. Репрессии в отношении немецкого населения Омской области в 1937 г.

Месяц	Кол-во арестов	Осуждено тройкой		Осуждено другими инстанциями		Освобождено в 1937 г.	Освобождено в 1939–1940 г.
		ИТЛ	ВМН	ИТЛ	ВМН		
Январь	4			1			
Февраль	4				1		
Март	10			4	1		
Апрель	3						
Май	10			8	1	1	
Июнь	6				1	1	
Июль	115	-	-	2	-		
Август	110	9	46	1			
Сентябрь	119	25	99	1		1	
Октябрь	34	26	110				
Ноябрь	51	12	76	1		1	
Декабрь	17	12	21	1	1	1	7
Итого	483	84	352	19	5	5	7
В том числе в ходе операции № 00447 (июль — октябрь 1937 г.)	378						

Кажущееся несоответствие высоких цифр арестов немцев в Омской области в ходе операции по приказу № 00447 (около 380 чел. за июль — октябрь 1937 г.) в сравнении с относительно невысокими цифрами немцев, осужденных в рамках «кулацкой» операции в Алтайском крае (107 чел. за июль-октябрь 1937 г.) объясняется, с нашей точки зрения, регионально-специфическими особенностями направленности репрессий в рамках приказа № 00447. Т.е. пока «немецкие» районы Алтая находились в составе Западно-Сибирского края, количество репрессированных среди немцев было невысоким. Очевидно, это объясняется тем, что алтайские немцы, проживавшие на периферии огромного края, вдали от краевого центра, просто «потерялись» среди его населения. УНКВД по ЗСК имело достаточное количество кандидатов для выполнения лимита. Зато после разделения Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край в октябре 1937 г. — и связанного с этим учреждения собственной тройки и выделения собственного лимита для Алтайского края — масштабы арестов среди немецких крестьян увеличились¹⁶⁴. Без сомнения, сыграла свою роль и телеграмма Ежова от 3 ноября 1937 г., подстегнувшая активность алтайских чекистов в отношении «националов»¹⁶⁵. В Омской же области ожидаемого всплеска репрессий в отношении немцев в ноябре-декабре 1937 г. не произошло — очевидно омские чекисты посчитали достаточной уже проведенную «зачистку» немецких районов, превысив в августе-сентябре 1937 г. цифры арестов июля в два раза.

¹⁶⁴ Новейшие исследования массовых операций НКВД 1937–1938 гг. свидетельствуют, что в новообразованных областях количество арестов увеличивалось экстремально высоко. См. к примеру: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украине 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁶⁵ О директиве НКВД СССР № 49721 от 3 ноября 1937 г. см. ниже.

В ходе «кулацкой» операции органами НКВД по немецкой диаспоре региона был нанесен первый и наиболее прищельный удар, в ходе которого преимущественно были репрессированы наиболее заметные «бывшие» люди немецкой деревни: религиозные деятели и активисты общин, ранее осужденные, бежавшие из спецпоселений «кулаки», участники антисоветских выступлений и т. п. Массовость истребления немецкого «спецконтингента» обеспечила «немецкая операция».

5.2. «Немецкая операция» НКВД в Сибири и меннониты

В конце 1937–1938 гг. в ходе «Большого террора» органами НКВД СССР был осуществлен ряд массовых репрессивных акций, осуществлявшиеся в отношении национальных меньшинств и групп населения, признанных «контрреволюционными» (полков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, болгар, македонцев, греков, румын, иранцев, афганцев, китайцев, корейцев и так называемых «харбинцев» — бывших служащих Китайско-Восточной ж. д., вернувшихся в СССР после ее продажи в 1935 г., и реэмигрантов из Маньчжоу-Го). Операции по национальной линии, на чекистском жаргоне называвшиеся «линейными», имели своей целью уничтожение потенциальной «шпионско-диверсионной» базы для «пятой колонны» в преддверии вступления СССР в широкомасштабную войну.

Ход реализации «линейных» операций как правило регулировали директивные и нормативные документы НКВД СССР в виде оперативных приказов, меморандумов и приказаний (приказ № 00439 от 25 июля 1937 г. об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР; оперативный приказ № 00485 от 11 августа 1937 г. «Об операции по репрессированию членов «ПОВ», военнопленных полесской армии, перебежчиков из Польши, политэмигрантов и политобменников из Польши, бывших членов ППС и других польских политических партий»; оперативный приказ № 00593 от 20 сентября 1937 г. об операции по репрессированию «харбинцев»; меморандум от 30 ноября 1937 г. № 49990 о ликвидации шпионско-диверсионных и националистических контрреволюционных организаций латышей и т. д.)

В ряде случаев принятию оперативного приказа НКВД предшествовало соответствующее решение Политбюро ЦК ВКП(б): от 20 июля 1937 г. — об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах; от 9 августа 1937 г. — об утверждении приказа НКВД СССР о ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций Польской организации войсковой. Специальных приказов на проведение немецкой, румынской, эстонской, финской, китайско-корейской, болгарской и македонской операций, подобно приказу № 00485 о проведении польской операции, не существовало. С определенного момента указания по репрессированию этих национальных контингентов включались в общие директивы НКВД СССР, регулирующие ход уже идущих «линейных» операций.

Особенностями «линейных» операций, в отличие от операции по приказу № 00447 стали: 1) отсутствие лимитов и 2) отсутствие единообразия в порядке осуждения. Помимо троек, созданных в ходе «кулацкой» операции, жертвы линейных операций также осуждались Особым совещанием при НКВД СССР, Военной коллегией Верховного суда СССР, военными трибуналами. Принято считать, что большинство жертв операций было осуждено Комиссией НКВД и Прокурора СССР в так называемом «альбомном» порядке¹⁶⁶. Впервые введенный в практику НКВД, «альбомный» порядок предусматривал составление на местах по окончании следствия справок на каждого арестованного с предложением о мере наказания (расстрел или 5–10 лет лагерей). Справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), подписывались комиссией из двух человек — начальником обла-

¹⁶⁶ Материалы Алтайского мартиролога, напротив, свидетельствуют о том, что основная масса осужденных в крае немцев в 1938 г. — более 900 чел., была осуждена Особым совещанием. На втором месте по количеству осужденных находится тройка при УНКВД (См.: Табл. 3). В Омской области безусловно лидировала тройка — около 440 осужденных (См.: Табл. 4).

стного (краевого) УНКВД и прокурором (отсюда разговорное, в официальной переписке не встречающееся название этого органа — «двойка»), после чего «альбом» направлялся в Москву. Окончательный приговор выносили нарком внутренних дел СССР и прокурор СССР (Н.И. Ежов и А.Я. Вышинский). Как правило, тщательного рассмотрения «альбомов» в Москве не проводилось, пришедшие с мест предложения одобрялись механически. Приговоры исполнялись по возвращению «альбомов» в местные УНКВД.

В рамках национальных операций три «линии» рассматривались руководством НКВД как основные: польская, немецкая и харбинская («харбино-японская»). Моделью для осуществления всех массовых национальных операций стала польская операция. Все приказы о проведении репрессий в отношении той или иной иностранной колонии повторяли структуру и логику оперативного приказа № 00485. В их преамбуле, как правило, содержится утверждение об активизации на территории СССР разведывательных органов соответствующей иностранной державы и о перерастании этой деятельности на современном этапе из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую. Далее четко определяется перечень подлежащих репрессиям контингентов (целевые группы операции), сферы, подлежащие очистке в первую очередь, сроки проведения операции и формы отчетности по ней.

Категории репрессируемых в рамках «линейных» операций варьировались в зависимости от директив центра или специфики региона, тем не менее можно выделить главные целевые группы национальных чисток: бывшие иностранные/российские военнопленные Первой мировой войны, политэмигранты и перебежчики, члены социалистических партий, бывшие иностранные подданные, работающие или работавшие в СССР в оборонной промышленности или на транспорте, бывшие служащие дореволюционных иностранных предприятий или советских концессий, «контрреволюционный актив» национальных районов и колоний, посетители иностранных консульств¹⁶⁷, лица, имевшие родственников за границей, получатели гуманитарной помощи из-за границы, священнослужители и актив религиозных общин. В своей основной массе жертвы линейных операций были советскими гражданами. Как правило, в ходе каждой отдельно взятой операции в массовом порядке осуждались лица не только той национальности, против которой она была направлена, но и представители других национальностей, в том числе — русские.

Как и в случае с «кулацкой операцией», сроки проведения операций по национальным линиям неоднократно продлевались политическим руководством СССР. 3 ноября 1937 г. Н.И. Ежов потребовал в своей телеграмме закончить проведение этих операций к 10 декабря 1937 г. Именно эта телеграмма Ежова может рассматриваться в качестве суррогата специального приказа на проведение «немецкой» операции. Сам текст телеграммы Ежова ранее не публиковался, теперь о его содержании можно судить благодаря телеграмме наркома внутренних дел Украины И.М. Леплевского от 4 ноября 1938 г., в которой полностью воспроизводится ежовская директива № 49721. Начинается она с констатации факта, что «Проводимые сейчас операции [по] антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины [в] ряде областей идут крайне медлительными темпами. Операция [по] кулакам, уголовникам, отнесенным [ко] 2 категории, разворота еще не получила». Далее Ежов перечислил отстающие управления НКВД, указав в том числе, что операция «по немцам слабо ведется в Горьковской и Ростовской областях» и потребовал «форсировать проведение операции [по] антисоветским элементам, немцам,

¹⁶⁷ Уже в ходе массовых операций, 28 октября 1937 г., был отдан оперативный приказ НКВД СССР № 00698 «О консульских связях», требовавший «применением широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств этих стран с советскими гражданами, подвергая немедленному аресту всех советских граждан, связанных с личным составом этих диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения». См.: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украине 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

полякам, харбинцам, женам изменников родины», указав что после 10 декабря 1937 г. «никакие ходатайства о продлении срока приниматься не будут». К 15 декабря 1937 г. места должны были представить отчеты, а также свои соображения на будущее¹⁶⁸.

Позднее, а именно 11 декабря 1937 г. шифротелеграммой Ежова № 50194, срок окончания операций был перенесен на 1 января 1938 г., а отчетность по ней — на 15 января 1938 г. Усиление репрессий в отношении национальных «спецконтингентов» последовало в результате решения Политбюро ЦК ВКП(б) № П 57/49 от 31 января 1938 г., в соответствии с которым НКВД СССР разрешалось продолжить операцию по разгрому «шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан», до 15 апреля 1938 г.¹⁶⁹ В эти же сроки НКВД СССР предлагалось провести аналогичную операцию в отношении болгар и македонцев.

Это решение Политбюро ЦК было дублировано директивой НКВД СССР № 233 от 1 февраля 1938 г., в которой Н.И. Ежов предписал в том числе «подвергнуть аресту всех подозреваемых в шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих в советском гражданстве, применительно категориям, перечисленным в моем приказе 00485». К весне 1938 г. массовая операция по приказу НКВД № 00447 постепенно сворачивалась. Основным направлением в массовых репрессиях с марта 1938 г. стали операции по «национальным линиям», в том числе и «немецкая» операция.

Спустя 4 месяца, 26 мая 1938 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение продлить до 1 августа 1938 г. упрощенный порядок рассмотрения дел «на лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцев, изобличенных в шпионской, террористической и другой антисоветской деятельности»¹⁷⁰. Есть свидетельство о том, что в июне 1938 г. на места за подписью М.П. Фриновского была разослана директива об усилении репрессий в отношении «инонационалов» в рамках операций по 13 «линиям». Так, в Новосибирской области для разъяснения этого приказа и ориентирования работников на местах в оперсекторы были откомандированы ответственные работники областного управления НКВД¹⁷¹.

Весной-летом 1938 г. национальные операции развернулись особенно широко. По данным НКВД СССР, по состоянию на 1 июля 1938 г. по обвинениям в шпионаже, организация диверсий, вредительстве во всех сферах народного хозяйства, терроре, участии в повстанческих ячейках и подготовке вооруженных восстаний на случай войны и антисоветской агитации было арестовано: по польской линии — 147533, по немецкой — 65339, по харбинской — 35943, по латышской — 23539, по иранской — 15946, по греческой — 15654, по финской — 10598, по китайско-корейской линии — 9191, по румынской — 9043, по эстонской — 8819, по английской — 3335, по афганской — 3007, по болгарской — 2752, по другим — 6528 чел.

Массовые аресты обусловили невозможность центра оперативно обрабатывать поступающие с мест «альбомы». Летом 1938 г. в Москве скопилось «альбомов» более чем на 100 тыс. чел. Следствием стала перегруженность тюрем и необходимость содержания за-

¹⁶⁸ Документ опубликован: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украине 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁶⁹ Фотокопия решения Политбюро от 31 января 1938 г., содержащая визы членов Политбюро во главе со Сталиным, свидетельствует, что в первоначальном варианте постановления сроком окончания операции называлось 1 мая 1938 г., но рукой Сталина этот срок был исправлен на 15 апреля 1938 г. Эта правка может рассматриваться как демонстрация Сталиным центрального контроля и управления операциями по «национальным» линиям.

¹⁷⁰ Лубянка. Сталин и ГУТБ НКВД 1937–1938. С. 538.

¹⁷¹ Тепляков А.Г. Машина террора. С. 367.

ключенных, уже фактически приговоренных к расстрелу. В результате «альбомный» порядок осуждения был отменен решением Политбюро от 15 сентября 1938 г.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 17 сентября 1938 г. № 00606 «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др.» в целях быстрого рассмотрения следственных материалов, при управлениях НКВД краев и областей создавались Особые тройки, в состав которых входили первый секретарь обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК нацкомпартии, начальник соответствующего управления НКВД и прокурор области, края, республики. Тройками рассматривались дела в отношении лиц, арестованных только до 1 августа 1938 г. Деятельность троек ограничивалась двухмесячным сроком. Особо отмечалось, что решения троек по первой категории (к расстрелу) должны были приводиться в исполнение немедленно.

Деятельность Особых троек была прекращена точно в срок — 15 ноября 1938 г. Всего Особые тройки осудили за два месяца по всем национальным операциям около 100 тыс. чел. 17 ноября 1938 г. совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР объявило о прекращении всех массовых операций. Осуществление «линейных» операций отличалось особой жестокостью, большая часть арестованных (около 70%) была расстреляна. Всего на 1 ноября 1938 г., по данным НКВД СССР, в ходе операций по национальным линиям было арестовано около 365 тыс. чел.¹⁷² Современные исследователи оценивают число жертв «линейных» операций в размере около 340–350 тыс. чел., в том числе около 55 тыс. — «немецкой» операции, из них около 42 тыс. человек — к ВМН¹⁷³.

Попытка реставрировать взгляды одного из главных действующих лиц «Большого террора» — наркома НКВД Н.И. Ежова на советских немцев как на «пятую колонну», наталкивается на скудность доступных исследователям материалов. Выступая 3 декабря 1936 г. на совещании руководящего состава НКВД, Н.И. Ежов в частности коснулся вопроса о возможном реформировании районных аппаратов УГБ. Подвергнув критике работу местных отделов, Ежов предложил подчиненным свое видение проблемы. По его мнению, районные отделы УГБ были нужны только в трех группах районов — пограничных (приграничных), промышленных и национальных. Именно в «национальных и крупнейших промышленных районах» предполагалось создать «сильные аппараты УГБ, [...] с тем, чтобы мы могли знать, что эти аппараты являются нашей опорой»¹⁷⁴. Такое внимание к местам компактного проживания диаспор в преддверии массовых операций конечно же симптоматично. На совещании руководства НКВД 16 июля 1937 г., на котором начальники управлений были проинформированы о предстоящих массовых репрессиях, Ежов также говорил о предстоящих арестах «харбинцев», поляков и немцев. Это свидетельствует о том, что нацоперации планировались одновременно с исполнением приказа № 00447¹⁷⁵.

24 января 1938, подводя итоги массовых операций за 1937 г., в своем выступлении перед республиканскими народными комиссарами внутренних дел, начальниками краевых (областных) управлений и отделов НКВД СССР, Ежов был более конкретен. Обсуждая возможную реформу КРО НКВД, он высказал идею создания отдельного Немецкого отдела, который «должен включать в себя обслуживание посольства, всей немецкой колонии и обслуживание всего немецкого населения Союза, т.е. базы контрразведки, которая имеется в Союзе (курсив мой — А.С.), т.е. нужно дать чисто немецкую линию сверху донизу. У них должен быть и учет немцев, и учет колоний, и учет посольств и соответствующих организаций. Этот отдел, конечно, должен будет иметь выход за границу, обязательно»¹⁷⁶. По этому же образцу Ежов планировал также создать Польский и ряд других «национальных» отделов.

¹⁷² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. С. 304.

¹⁷³ См.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. С. 64–66.

¹⁷⁴ Петров Н., Яцен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2006. С. 279.

¹⁷⁵ Тепляков А.Г. Машина террора. С. 366.

¹⁷⁶ Там же. С. 316–317.

Таким образом можно предположить, что Ежов совершенно однозначно, в духе «записок Артузова», расценивал немецкое население СССР как шпионажную и диверсионную базу и не сомневался в повышенной контрреволюционности «советских» немцев.

Согласно господствующей как в историографии, так и в общественном сознании точке зрения, в ходе «национальных» операций наиболее ярко выявилась абсурдность «Большого террора», как нигде ранее проявилось торжество произвола НКВД и слепого случая: аресты производились только на основании принадлежности к «контрреволюционному» меньшинству («спецконтингенту»), зачастую в результате «немецкого» звучания или «польского» окончания фамилии. Изучение реализации «немецкой» операции в Алтайском крае и Омской области — местах компактного проживания немцев в Западной Сибири — позволяет усомниться в однозначности подобной трактовки.

Во многом ключ к пониманию специфики операций по «национальным линиям» дает их сравнение с самой массовой репрессивной карательной акцией НКВД — операцией по приказу № 00447. Для историков «Большого террора» очевидна вторичность «национальных» операций вообще и «немецкой» операции в частности, по отношению к «кулацкой» операции — как по времени¹⁷⁷, так и по методам¹⁷⁸. «Кулацкая» операция выступила своеобразным «мотором» и образцом для «национальных» операций. В результате можно выдвинуть тезис о том, что каждая из операций по национальным «линиям» представляла из себя «кулацкую» операцию, но в рамках определенного, указанного сверху, «контрреволюционного национального контингента». Несомненно, что повышенные риски для советских немцев заключались именно в повышенном «репрессивном внимании» к национальному меньшинству, которое в глазах сталинского руководства обладало явным признаком контрреволюционности.

Специфика проведения «линейных» операций в каждом регионе задавалась как особенностями самого региона, так и наличием различных групп внутри самих национальных «спецконтингентов». Ловля лиц с иностранными фамилиями, выявление жертв по анкетам учреждений и предприятий осуществлялись как правило в столичных, промышленных или пограничных регионах, а также в местностях, где отсутствовали компактные поселения национальных меньшинств, что заставляло чекистов производить огульные аресты во исполнение директив центра¹⁷⁹. Высокие риски также существовали для политэмигрантов, перебежчиков, бывших военнопленных.

¹⁷⁷ Здесь имеет смысл еще раз указать на нашу точку зрения, согласно которой приказ № 00439 не являлся приказом на проведение массовой «немецкой» операции и был завершен в 1937 г. в определенные ему сроки.

¹⁷⁸ В этом отношении очень показательным является указание, содержащееся в оперативных планах НКВД Украинской ССР по изъятию кулаков и уголовников по первой и по второй категории, подготовленных между 13 и 15 июля 1937 г.: «При подготовке операции на кулаков и уголовников, широко использовать материалы на кулаков — членов различных религиозных сект, связи иностранных консульств, лиц, судившихся за шпионаж, получателей „гитлеровской помощи“, бывших политбандитов». Названные здесь целевые группы «кулацкой операции», за исключением невинных «политбандитов», несомненно являются также стандартными группами жертв «немецкой» операции. Документы опубликованы: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украине 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁷⁹ Начальник отделения КРО УНКВД по Новосибирской области В.А. Качуровский писал в 1939 г. секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Г.А. Боркову: «Я слышал, как и многие другие, что замнаркома Фриновский дал установку перед началом второй операции (весна 1938 г.), что „если где-либо произойдет случай диверсии и в [райо]не этого случая окажется линейник, т. е. поляк, латыш и т. д., то работ[ни]к, обслуживающий объект, будет нести уголовную ответ[ственно]сть вместе с диверсантом,.. Прямым следствием этой установки было значительное ухудшение состава арестованных и качества следствия». См.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу № 00447. М., 2008. С. 460.

В местах же компактного проживания диаспор, где арест всего «спецконтингента», да же только взрослых мужчин, был физически невозможен и абсурден, каждая из «линейных» операций представляла из себя прежде всего социальную чистку. Чекисты постоянно стремились основывать уголовные дела на основании «неблагоприятного» социального прошлого потенциальной жертвы (в том числе за счет получения справок сельсоветов, в которых требовали фальсификации социального прошлого «фигуранта»), что предполагало определенную коррекцию произвольных арестов «инонационалов» на местах. Так, в период май-июньской (30 мая — 16 июня 1938 г.) операции в немецких поселениях Алтайского края, по данным мартиролога, было арестовано около 400 чел., в том числе 96 чел. — в Кулундинском (Новокиевском) районе. Но в мартирологе учтены только те немцы, на которых заводилось уголовное дело. В показаниях сотрудников УНКВД содержатся данные об освобождении впоследствии значительной части арестованных в Новокиевском районе. Произошло это в ходе ревизии руководством Славгородского оперсектора А.А. Жилковым «социально-имущественного положения» арестованных¹⁸⁰.

Дополнительными сдерживающими факторами в условиях отсутствия лимитов на репрессирование «спецконтингента» выступали: 1) Требование бюрократического оформления операции, т. е. формальная сторона оформления следственных дел. Несмотря на масштабы фальсификации следственных документов, чекистам требовалось много времени и сил для соответствующего оформления дел, что выступало своеобразным тормозом для наиболее ретивых чекистов и обеспечивало при необходимости механизм контроля сверху. Центр ни в коем случае не хотел отказываться от своей прерогативы контроля, что наиболее ярко выразилось в альбомном порядке оформления дел. Хотя было ясно, что центр реально не мог контролировать процесс следствия, но уже сама возможность такого контроля предполагала возможное наказание за «лишачество» и выступала сдерживающим фактором, а также задавало определенные границы репрессий. 2) Возможно, в ходе операций по национальным «линиям» органы ориентировались на цифры арестов «кулацкой» операции по каждому району. 3) Хозяйственная нецелесообразность поголовных арестов рабочей силы, особенно в ходе посевной 1938 г. Так, уже упоминавшееся выше освобождение 45 чел. немцев, преимущественно молодежи и старики, случившееся весной 1938 г. в Кулундинском (Новокиевском) районе Алтайского края по личному распоряжению нач. Славгородского оперсектора НКВД А.А. Жилкова, было мотивировано тем, что «посевная встала»¹⁸¹.

Возможно, эти 45 человек были освобождены в числе немцев, избежавших судилища тройки по личному указанию начальника 3-го (контрразведывательного) отдела УНКВД по Алтайскому краю И.К. Лазарева. Согласно показаниям быв. начальника Новокиевского РО НКВД Т.У. Баранова, 20–23 июня 1938 г. Лазарев приехал с инспекционной проверкой в район. Перед его приездом в течение одной ночи на всех арестованных — около 150 человек — были подготовлены списки «с характеристиками их практической контрреволюционной деятельности», в которые со слов арестованных были записаны их социальное положение, участие в эмиграции и получении «гитлеровской помощи». «Эмигрантов» и «получателей» оказалось около 60. Лазарев, просмотрев списки, приказал продолжить оформление дел на этих 60 человек, а 90 человек из-под стражи освободить, «предупредив, что освобождение произвести постепенно, не сразу всех, что нами и было сделано»¹⁸². Это распоряжение не вызвало восторга сотрудников РО НКВД, так как им пришлось соответствующим образом переделать уже законченные следственные дела. Из Славгородской тюрьмы, где находилось еще 150 человек арестованных Новокиевским РО

¹⁸⁰ См.: Этноконфессия в советском государстве. С. 462.

¹⁸¹ См.: Этноконфессия в советском государстве. С. 441–442.

¹⁸² См. документ № 386.

НКВД, также около половины были освобождены Лазаревым. Под стражей остались участники эмиграции и получатели «гитлеровской помощи»¹⁸³.

Начальник Новокиевского РО НКВД Т.У. Баранов показал 24 января 1940 г. на допросе: «Справки и постановления на арест писались на основании того, что то или иное лицо, подлежащее аресту, являлось инонационалом и участвовало в эмиграционном движении в 1929 году, а в 1933 году получало «гитлеровскую» помощь [...] О том, что лица, подлежащие аресту, получали «гитлеровскую» помощь, до следствия известно не было. Денежные переводы и посылки из Германии приходили через Германское консульство в Новосибирске, кроме того, следствием было выявлено и подтверждено, что помощь эта была именно «гитлеровская» [...] В то время по той обстановке, какая была, я считал, что это так и нужно в смысле очистки района от лиц немецкой национальности, считавшейся как спецконтингент. Сейчас же, с августа 1939 года, во время нахождения под стражей, я полностью убедился в том, что этого совершенно делать не надо было и что этими массовыми необоснованными арестами глубоко извращали революционную законность»¹⁸⁴.

Высказывая тезис о том, что момент рациональности в действиях НКВД в рамках «немецкой» операции был существенно выше, чем это принято считать до сих пор, мы тем не менее полагаем, что степень этой рациональности, даже в местах компактного проживания национальных меньшинств, могла серьезно варьироваться в зависимости от конкретных условий. Одним из таких обстоятельств, которые могли серьезно повлиять на нее, было количество времени, находившееся в распоряжении органов.

Так, фигуранты печально знаменитого «Славгородского дела», сфабрикованного 3-м отделом (КРО) УНКВД по Алтайскому краю во исполнение директивы Ежова № 50194, в рамках которого 19 и 21 декабря было арестовано 298 немцев, уже спустя несколько дней, 29 декабря 1937 г., были поголовно осуждены тройкой при УНКВД по Алтайскому краю к ВМН. Очевидно как масштаб дела, так и быстрота и беспрецедентная жестокость приговоров объяснялись ожидавшимся скорым завершением массовых операций в СССР. Тем не менее показания сотрудников УНКВД по Алтайскому краю, данные в 1939–1940 гг., содержат сведения о том, что аресты проводились членами специальной оперативной бригады УНКВД по спискам, которые вручались им начальником Немецкого РО НКВД К.Г. Кестером¹⁸⁵. Если принять во внимание, что Кестер в 1925–1930 гг. последовательно занимал должности уполномоченного и старшего уполномоченного секретного отделения и зам. начальника Славгородского окротодела ПП ОГПУ Сибкрая, принимал активное участие в борьбе с эмиграционным движением немцев, а с 1935 г. был зам. начальника и начальником Немецкого РО УНКВД ЗСК и Алтайского края и, следовательно, был хорошо информированным экспертом по немецкому «контингенту», то можно предположить, что в эти списки были включены люди, продемонстрировавшие режиму свою нелояльность или замеченные в девиантном поведении¹⁸⁶. Очевидно списки на арест утвержда-

¹⁸³ Эти сведения в целом не противоречат данным мартиролога. По нашим подсчетам, в ходе «майско-июньской» операции были арестованы и впоследствии осуждены 96 жителей Кулундинского района. Всего за это время в крае было арестовано и впоследствии осуждено 394 человека, в том числе 187 меннонитов.

¹⁸⁴ Этноконфессия в советском государстве. С. 466.

¹⁸⁵ См. показания сотрудника Хабаровского РО НКВД А.И. Иванникова от 14 марта 1940 г. // Этноконфессия в советском государстве. С. 473–474.

¹⁸⁶ Примечательно, что перед началом операции по приказу № 00447 К.Г. Кестер заявил руководству районной милиции, что «все кулаки и фашисты были арестованы еще в 1933 году, поэтому в данное время в Немецком районе арестовывать не придется» (См. Тепляков А.Г. Машинна террора. С. 349). Дальнейшие события показали, в том числе и Кестеру, насколько ужесточились критерии оценки социального прошлого и актуального поведения. То, что ранее расценивалось как незначительный проступок или каралось сравнительно мягко, теперь могло стать причиной отбора в качестве кандидата на осуждение тройкой.

лись либо руководителем оперативной бригады М.А. Васильевым, либо начальником Славгородского оперсектора УНКВД А.А. Жилковым.

Но существуют также неоднократные показания сотрудников НКВД о том, что аресты немцев осуществлялись без всяких списков. Так, сотрудник Новокиевского РО НКВД К.А. Орлов показал, что в декабре 1937 г. получил приказание от Баранова «арестовать человек 20–25 немцев, закончить в суточный срок следствие и с обвинительным заключением представить в оперсектор. В это время у меня никаких материалов, служившим поводом [для] ареста, не было, кроме устного распоряжения Баранова по телефону. Согласно этого распоряжения я с аппаратом РОМ выехал в поселки и арестовал немцев кажется 19 человек»¹⁸⁷.

О том, в какой степени рациональными могли быть основания арестов в таких условиях, свидетельствует блестящее исследование М. Юнге карательной акции в Солтонском районе Алтайского края, в ходе которой в ноябре 1937 г. по приказу начальника УНКВД С.П. Попова было одновременно арестовано более 200 чел.¹⁸⁸ Выбор жертв акции осуществлялся в результате «тесного сотрудничества карательных органов и актива села», кандидаты на арест подбирались ими совместно по признакам связей с кулаками, прошлой судимости, плохой работе в колхозе и т.д. Нет серьезных оснований сомневаться в том, что в ходе Славгородской операции чекисты действовали аналогично, хотя до крайности упрощенная процедура ареста и следствия, даже в сравнение с «обычной» практикой операции по приказу № 00447, без сомнения оставляла широкое поле для злоупотреблений сотрудников НКВД¹⁸⁹.

Очевидно, что в национальных районах большинство жертв «линейных» операций относились к «группам риска», постоянно находившимся в поле зрения органов советской тайной полиции, и критерий социального прошлого являлся, не отрицая слепого случая и произвола, тем не менее определяющим в выборе жертв. Так, жертвы «немецкой» операции в Западной Сибири были сопричастны к следующим «группам риска»: священнослужители, пресвитеры и проповедники, получатели «гитлеровской помощи», раскулаченные и ранее осужденные, посетители германских консульств и посольства, лица, имевшие родственников за границей. Но главной группой риска в Сибири стали участники массового эмиграционного движения 1929–1930 гг., т.е. в первую очередь меннониты.

Важность последнего фактора для осуществления «немецкой операции» в Западной Сибири подтверждают прежде всего существенные различия ее результатов в Алтайском крае и Омской области. Количество немцев в них на 1937 г. должно было быть примерно одинаковым (исходя из переписи 1926 г. — 30596 чел. в Славгородском и 29528 чел. — в Омском округах), в любом случае не различаясь в разы. Но в Алтайском крае за ноябрь 1937 — июнь 1938 гг. было арестовано, по нашим подсчетам, около 2 тыс. немцев, в то время как по Омской области за этот же период — около 500 чел., а с учетом арестованных до ноября 1938 г. включительно — около 600 чел. (см. Таблицы 3 и 4)¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Этноконфессия в советском государстве. С. 470.

¹⁸⁸ См.: Юнге М. Проведение карательной акции в Солтонском районе Алтайского края // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 / Сост. Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2010 (в печати).

¹⁸⁹ Точно также действовал в апреле 1938 г. начальник Кулундинского РО НКВД Т.У. Баранов, получив приказ на арест «спецконтингента». Помимо 70–80 человек, на которых у него имелись компрометирующие данные, им, «в ходе операции в районе был установлен еще целый ряд немцев, принимавших участие в эмиграции, или получавших гитлеровскую помощь», в результате чего дополнительно было арестовано еще около 50 чел. См. док-т № 380.

¹⁹⁰ По данным, опубликованным Н. Охотиным и А. Рогинским, в Алтайском крае в ходе немецкой операции было репрессировано 3171 чел., из них 2412 к ВМН, в то время как в Омской обл. — 539 чел., из них 128 — к ВМН. Более высокие данные Н. Охотина и А. Рогинского, полученные ими на

Таблица 3.
Репрессии в отношении немцев Алтая в 1938 г.¹⁹¹

Ме- сяц	Арестовано						Осуждено						Итого осуж- дено
	Муж.		Жен		В том числе меннонитов	Из Кулундинского района	Тройками		Особ. совещанием		Другими инстан- циями*		
	До 1913 г.р. вкл.	После 1913 г.р.	До 1913 г.р. вкл.	После 1913 г.р.			ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	ВМН	ИТЛ	
01	570	35	6	-	236	68	-	-	26	-	-	-	26
02	53	4	2	-	32	-	-	-	340	13	-	2	355
03	362	23	1	-	170	78	8	-	203	5	-	-	216
04	144	18	1	1	61	78	-	-	1	-	-	1	2
05	140	15	7	1	84	93	-	-	51	-	-	-	51
06	203	16	12	-	103	3	-	-	1	7	1	-	9
07	4	-	3	-	2	-	-	-	52	27	6	-	85
08	-	-	-	-	-	-	-	-	76	8	-	-	84
09	-	-	-	-	-	-	143	210	9	111	1	-	474
10	-	5	-	-	-	-	257	59	-	-	-	-	316
11	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	1	-	5
12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ито- го за год	147 6	116	32	2	688	320	412	269	759	171	9	3	1623

*Осужденные Особой комиссией при НКВД СССР, ВТ СибВО, ВК ВС, Алтайским краевым судом.

Такое резкое расхождение в количестве жертв трудно объяснить только кровожадностью и особой «антинемецкой» настроенностью алтайских чекистов. Материалы архивно-следственных дел и показания репрессированных в 1939–1940 гг. сотрудников НКВД подтверждают сделанное в свое время Детлефом Брандесом предположение о мести бывшим эмигрантам, участникам «хлебной стачки» и получателям «итлеровской помощи» как главном мотиве террора в отношении немцев в 1937–1938 гг. Как известно, именно алтайские меннониты составили основную часть участников массового эмиграционного движения: по подсчетам Д. Брандеса в 1929 г. эмиграция из СССР удалась 5761 человеку, из них около 4,4 тыс. человек выехали из поселений немцев в Западной Сибири, в том числе около 3,8 тыс. с территории будущего Алтайского края и только около 250 — с террито-

основании статистических сводок НКВД СССР, объясняются как возможными лакунами в мартиро-
логе, так и тем, что в ходе операции по «немецкой» линии осуждались не только немцы. Данные
Охотина/Рогинского и наши данные по Омской области в целом совпадают.

¹⁹¹ Итого за 1938 г. в крае арестовано 1626 немцев. Расхождение с данными 4-го тома книги памяти,
охватывающего период 1938–1941 гг. — 1704 чел., объясняется тем, что в таблице не учтены сведе-
ния о заключенных Сиблага, военнослужащих и т. д., осужденных тройками УНКВД по Новосибир-
ской и Омской областям, а также осужденных в 1939–1941 гг. Из арестованных в 1937–1938 г. осуж-
дено в 1938 г. к ВМН 1180 чел., к ИТЛ — 443 чел., 1623 чел., к выссылке на 5 лет — 1 чел.; осуждено в
1939 — 15 чел., освобождено — 6 чел.

рии Омской области¹⁹². Таким образом массовое участие алтайских немцев в эмиграционном движении стало для них фатальным обстоятельством. Как писал И.В. Сталину уже упоминавшийся выше один из активных организаторов и исполнителей «немецкой опе-

Таблица 4.
Репрессии в отношении немецкого населения Омской области в 1938 г.¹⁹⁴

Месяц	Немцы, кол-во арестов	Осуждено тройкой		Осуждено другими инстанциями		Освобождено в 1938	Освобождено в 1939–1940 гг.
		ИТЛ	ВМН	ИТЛ	ВМН		
Январь	7	1		1	1		
Февраль	110			2	3	1	
Март	214	15	12		1		
Апрель	10					2	
Май	57		2	1	3		
Июнь	39	9	51	2			
Июль	13		2			1	
Август	6						
Сентябрь	39	1	2				
Октябрь	9	267	74		2	2	
Ноябрь	17	2				2	122
Декабрь	-			3		4	
Итого	521	295	143	9	10	12	122

рации» в Алтайском крае сержант ГБ Т.У. Баранов, «Эмиграция немцев за границу, как это уже доказано, явилась результатом ненависти к Сов. власти»¹⁹³.

Тем не менее очень трудно поверить в персонафицированный мотив мести, тем более принимая во внимание постоянную ротацию чекистских кадров. Скорее всего, фатальным обстоятельством для алтайских немцев оказался факт фиксации участия в массовом эмиграционном движении 1929–1930 гг. как в документах, так и в памяти односельчан (потенциальных свидетелей) и работников сельсоветов (штатных свидетелей и составителей справок на арестованных, которые в своей массе играли роль единственных документальных улик в деле¹⁹⁵), что позволило чекистам с полным правом проводить их аресты и

¹⁹² См.: Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. S. 287, 296–297.

¹⁹³ ЦХАФАК. Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 241. Л. 14.

¹⁹⁴ Всего за 1937–1938 гг. в Омской области было арестовано 1004 немца, осуждено тройкой: ИТЛ — 379, ВМН — 495 (всего 874), другими инстанциями — 43. Освобождено — 146 (сумма осужденных и освобожденных — 1063 чел.). Разница в 59 человек между числом арестованных и освобожденных, с одной стороны, и осужденных — с другой, объясняется тем, что часть из осужденных в 1937–1938 гг. была арестована еще в 1936 г., часть лиц проходит по статистике и как осужденные, и как освобожденные.

¹⁹⁵ В первую очередь характеристика сельсовета снабжала НКВД основными данными, необходимыми для точной идентификации личности: фамилия, имя, дата и место рождения, место жительства, профессия и место работы. Данные об имущественном состоянии до 1917 г., до 1929 г. и на момент ареста являлись справкой о социальном происхождении и статусе, к ним же относилась информация о лишении избирательных прав. Далее в характеристике указывались наказания, вынесенные народными судами, другими судебными инстанциями и органами НКВД. Наряду с этими, скорее объективными, данными, характеристика играла роль своего рода свидетельства о политической благонадежности в прошлом и настоящем. Она информировала о занятиях во время революции 1917 г. и гражданской войны, о принадлежности к политическим партиям и об актуальном отношении к советской власти («политическая физиономия») вплоть до поведения на рабочем месте. См.: Р. Биннер, М. Юнге. Справки сельских советов как фактор в осуждении крестьян // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447./Сост. М. Юнге,

осуждение как антисоветского «контингента». На Алтае, где была репрессирована значительная часть взрослого мужского населения¹⁹⁶, случилось так, что практически каждый взрослый мужчина, особенно меннонит, был в чем-то виноват перед властью, помечен и «заклеймен», в самом безобидном случае — родством с «антисоветским элементом», «эмигрантом» или репрессированным, что в условиях массовой чистки зачастую было фатальным обстоятельством.

Изучение преследований меннонитов и немецкой диаспоры Сибири в целом в 1937–1938 гг. демонстрирует, что как для «кулацкой», так и для «немецкой» операций было характерно смешивание огульного, ничем не оправданного террора, с целенаправленными репрессиями в отношении различного рода диссидентов, в том числе верующих, антикоммунистически настроенных людей, действительных противников сталинского режима. В условиях чрезвычайного ужесточения критериев оценки «антисоветского» поведения и социального прошлого потенциальных жертв целенаправленные, «зрячие» репрессии тем не менее существенно преобладали над «слепым» и эксцессивным террором.

Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2010. С. 613–624.

¹⁹⁶ Согласно переписи 1939 г. население Западной Сибири составляло 8,9 млн. человек, из них 4,2 млн. — лиц мужского пола, из них 1,5 млн. — лиц призывного возраста с 17 до 50 (55) лет. Значит, доля взрослого мужского населения составляла около 17–20%. Таким образом можно предположить, что для немецкого населения Алтая доля мужчин составляла в 1937–1938 гг. в абсолютных цифрах примерно 6–7 тыс. человек, из них было репрессировано около трети.